

Алексей Вязовский

ГРУППА КРОВИ НА ПЛЕЧЕ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Алексей Вязовский

Группа крови на плече

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Вязовский А. В.

Группа крови на плече / А. В. Вязовский — «Издательство АСТ»,
2024 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-160404-2

Я ехал в московском метро, когда все случилось. Завыли сирены и поезд встал, будто наступил апокалипсис. Поток людей унес меня в черный тоннель. Но выбрался я один и очутился... Это что за тропическая многоножка?! И какого черта меня долбанули прикладом и связали? Кто они такие? Вооруженные головорезы в допотопной зеленой форме пехоты США. А это что? Джунгли?! В книге присутствует нецензурная брань!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-160404-2

© Вязовский А. В., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алексей Викторович Вязовский

Группа крови на плече

© Алексей Вязовский, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

Апокалипсис я банально проспал. Пьяным. Когда пришла вотсапинка от Аленки – «Прости, между нами всё», я еще держался. Пытался дозвониться до нее, хотя бы обматерить суку, но телефон был отключен. Я взял полторашку пива, потом догнался чекушкой водки. Еще одной. В метро меня сморило. Сквозь сон слышал, что проехали «Кунцевскую», потом «Молодежную». Затем сильно трянуло. Свет в вагоне замигал, и я проснулся.

Какой-то мерзкий по звуку звонок вдалеке то длинно дребезжал, то всхрюкивал коротким бздынем. Я поморщился и мысленно пожелал создателям звонка идти в жопу.

Пока люди вокруг обсуждали остановку и загоревшийся в вагоне тусклый свет, я внезапно понял, что еще чуть-чуть и лопну. Мой мочевого пузырь бил барабаном в мозг в такт гребаному звонку и давил на все возможные клапана с невероятной силой.

Я обвел вокруг пьяным взглядом. Оказалось, что я сидел прямо около блестящей ручки с восхитительной надписью «ручка выключения дверей». «О. Ништяк, счас солью отстой», – подумал я и без каких-либо раздумий повернул рукоять, сорвав попутно пломбу.

Где-то под вагоном протяжно зашипело, а в самом вагоне заплакал ребенок.

– Что вы делаете?! – закричал мне седой старичок с палочкой.

– Заткнись! – Я встал и двумя руками, как Геракл, разрывающий пасть льву, раздвинул двери.

– Вызывайте полицию! – никак не успокаивался дедок.

– Тревожная кнопка не работает, – отвечали ему из вагона.

– Я сейчас possu и сам тебе «скорую» вызову! – моя попытка заткнуть старика не увенчалась успехом. Дед начал ругаться.

Серая бетонная стена тоннеля напротив прямо молила о том, чтобы ее обоссать. По-быстрому осмотрев доступное пространство на предмет кабелей, я дернул замок ширинки вниз, достал свой агрегат и, с наслаждением замычав, пустил струю на стену.

Все хорошо в пивасе, кроме камней в почках и необходимости отлить.

Пока я оправлялся, внутри состава заметался машинист в фуражке, бледный, с каплями пота на висках. Уперевшись руками, он с усилием раздвигал двери вагонов и пытался успокоить пассажиров, призывая их не паниковать, а идти в голову поезда.

– Да, контактный рельс отключен. Я проверил. Напряжения нет. Выходите быстрее.

– Почему лампочки горят? Что происходит?

– Это резервное электроснабжение. Был сигнал ядерной тревоги.

– Что там? Это война?!

– Откуда я знаю? Прошла команда о закрытии шлюзовых дверей. Перестаньте на меня кричать! Просто идите в сторону станции!

Ну, мы и пошли. Точнее, побрели. Кто-то, как ругавший меня дедок, еле переставлял ноги. Кто-то молча шел, кто-то порывался бежать, что-то спрашивая и хватая соседей за руки, кто-то тащил грудных детей.

– Помог бы, бугай! – статная блондинка тащила аж двух плачущих захребетников.

Я и правда бугай. Два метра ростом и в ширину не обижен – хожу в качалку на Рублевке. Точнее, ходил. Теперь-то, поди, там радиоактивная яма. Это же правительственная трасса. Если целили, то первым делом туда.

Я задумался про Аленку. Засмеялся. Она как раз инструктор в этом самом фитнес-зале. Олимпик! «Мы готовим олимпийцев!»

Глянул время. На смартфоне горело 19:30. У суки сейчас как раз смена. Была! Последняя смена, м-мать.

– Чего смеешься?! – взвилась блондинка. – Родители не учили помогать женщинам? Тем более с детьми!

– Я детдомовский, лучше сиськи покажи!

Это правда. Я детдомовский. Пи**енный втемную столько раз, что никакому армейскому духу и не снилось... И да, потом еще была армия. С десятью амбалами-дагами в роте. С уродами, которые устраивали нам второй детдом даже не в квадрате, а в кубе. И до кучи еще вторая чеченская...

– Хам! – бросила мне блондинка, прибавив шаг.

Всецб бы ей с ноги, да лень. Я остановился и проверил смартфон. Сигнала не было – ни одной долбаной палки. Вай-фай тоже отсутствовал как класс.

Мимо брели испуганные пассажиры, трещала башка. Не надо было водкой догоняться! С другой стороны, как говорит народ, пиво без водки – деньги на ветер. А народ херни не скажет. Я на автомате открыл букмекерское приложение, просмотрел свои ставки. «Локо» против «Мяса»... Снова пробило на ржач. Какой уж тут теперь «Спартак»... Сгинем от радиации, кормя крыс. Вот кто, кстати, переживет конец света. Суки.

Пассажиры толпой ушли дальше, а я забрел в какой-то закуток, прислонился головой к холодной бетонной стене, пытаюсь унять очередной там-там в голове. И тут опять грохнуло. По туннелю прокатилась ударная волна, и стена ощутимо так врезала мне в лоб. Заложило уши, в глазах появились звездочки, закружившиеся в озорном хороводе. И я вместе с ними.

В себя пришел не сразу. Мутило так, будто не две чекушки водки выпил, а минимум литр. Я глубоко вздохнул, потер лоб. Больно. Делать нечего, надо идти дальше.

Выбрался в туннель, побрел вперед. Тьма, хоть глаза выколи. Пришлось подсвечивать мобильником. Я все смотрел вниз, искал рельсы. А их не было. Вот так взяли и пропали. Как-то внезапно исчезла бетонная облицовка, лампочки. Воздух стал теплым, влажным. По стенам зазмеились какие-то корни, больше похожие на лианы.

Туннель начал сужаться, протискиваться стало все труднее.

– Да что за херня-то?! – Я сбросил с майки какую-то экзотическую сороконожку, еще раз посмотрел вниз. Там уже чавкала грязь.

Все, звездац «джорданам». А я за эти кроссы кучу денег отвалил – везли тремя морями в обход санкций. Натуральные, американские, «мэйд ин юэсэй».

Сверху начало прилично так капать, лужи под ногами становились все больше и больше. Спустя четверть часа я уже брел в каком-то ручье, и это стало фатальным для айфончика. Выскользнув из мокрых рук, он мигнул на прощание и нырнул в воду. Я, разумеется, нырнул следом.

– Сука, млять!!! – Нащупать этого яблочного ублюдка никак не получалось. Еще минус сто с лишним штук. Совсем новый айфон, на стекле мухи не сношались. А ведь там всё, вот вообще всё – NFC-платежи, счет Сбера, все номера телефонов, которые я, разумеется, ни хрена не вспомню, хоть убей! Даже фотографии документов, чтобы менты не привязывались, – все там. В карманах шорт – ни рубля!

Искал долго. Снизу чавкало и хлюпало, сверху капало, весь вымок насквозь. Бесплезно. Похоже, унесло потоком.

Дальше шел на ощупь, периодически падая в грязь. Изгваздался, устал...

Постепенно стало суше, вода пропала. Впереди вдруг забрезжил свет, послышалась неразборчивая речь. Люди! Из последних сил я рванул вперед, как на стометровке, четко вписался в крутой поворот туннеля и... получил в лоб прикладом.

Бумс!

Ноги подкосились, и я со всей дури рухнул на пол. В глазах закружились уже привычные звездочки, но сознание расставаться со мной не спешило. Я даже разобрал английскую речь:

– Еще один комми! Но какой-то странный.

Я схватился за голову, выматерился.

– О! По-русски говорит.

– Точно, Джек, русский это.

Второй говорил слегка гнусавым голосом, растягивая гласные. Будто каши в рот набрал. Американцы?

Перед глазами появились военные ботинки с рифленой подошвой. Скрутив руки за спиной, меня вздернули вверх. Ага... Небольшая пещера, мощный фонарь в руках одного... Джи-ай, епать-колотить! Натуральный американский солдат. В зеленой куртке с закатанными рукавами и разгрузке с гранатами и запасными магазинами. За плечом – штурмовая винтовка. Сильно напоминает М16.

– Имя! Званьё! – Рыжий, с рыбьими глазами джи-ай поставил фонарь на попа, достал из нагрудного кармана книжечку. – Какой ты есть роты?

Это у него «допросная», м-мать, инструкция на русском. Я присмотрелся. Нет, еще какие-то латинские буквы со странными значками над ними. Напоминало... Да, млять, видел я как-то подобное, если память не подводит. Напоминало вьетнамский алфавит.

Я оглянулся. Руки, причем профессионально, мне заломили два негра. В такой же зеленой форме, касках. У одного на каске топорщил узнаваемые ушки плейбоевский зайчик. Гребаный пижон, сука.

– Почьему молчишь?

– Фак ю, – на сносом английском ответил я, сплевывая под ноги. В голове еще гудело, но соображалка начала работать. Туннели, американцы с М16, влажный воздух, экзотические насекомые... Шестеренки, хоть и со скрипом, прокручивались. Выводы напрашивались безумные и нерадостные. Перспективы не вдохновляли совсем.

– О! Мистер знает английский, – надел лыбу рыжий. – Тогда я представляюсь. Капитан Джек Дэниелс, двадцать пятая пехотная дивизия США.

– Дерьмовое виски. – Я еще раз оглянулся на негров. Мощные, сука, такие... Закатанные рукава открывали нехило накачанные бицепсы.

– Мой отец был изрядный шутник, – покивал Джек. – Любил – как вы там, русские, говорите? – «положить за воротник».

– Заложить, педрила, – буркнул я и поморщился, когда черные хаки-бойз резко встрянули меня, от чего башка затрещала еще сильнее.

Дэниелс профессионально хлопал меня. В напрочь испорченных шортах ожидаемо ничего не нашлось, в нагрудном кармане майки тоже было пусто.

– Странная одежда для «железного треугольника»¹, – рыжий пожал плечами, разглядывая принт на майке – голографическую иллюзию черной дыры.

¹ «Железный треугольник» – район активности вьетнамских партизан, находился примерно в 40 км северо-западнее Сайгона. Условными вершинами треугольника были деревни Бенсук, Бенко и Бенкат. Эти деревни образовывали почти прямоугольный треугольник, гипотенуза которого проходила приблизительно по реке Сайгон (Сонг-Сайгон). Основным элементом этого партизанского района был комплекс подземных сооружений (туннели Кути), созданный вьетнамскими партизанами. Помещался он по соседству с американской базой Кути, в километре от оной, через каучуковую плантацию и реку Сайгон. Система туннелей начала была еще во время войны с французами и значительно расширена в 1960-х годах. По нормативам каждый крестьянин, участвовавший в постройке, должен был пройти по меньшей мере 3 фута в день, рыли простыми лопатами и выносили в корзинах, обычно копали в сезон дождей. В своей финальной версии трехэтажный подземный комплекс оборудован был даже небольшим кинотеатром и операционной. Общая длина его тоннелей, по разным оценкам, от 75 до 250 километров. Тоннели делались не прямыми, а с поворотами на 60–120 градусов. Комплекс имел систему воздухообмена, в виде крохотного размера выведенных на поверхность трубок, загнутых в разные стороны во избежание затопления при муссонных дождях, часть из них умышленно поворачивалась в направлении преобладающих ветров, дабы обеспечивать охлаждение. В районе «железного треугольника» располагался большой комплекс подземных туннелей, использовавшийся партизанами НФОЮВ как тыловая база для проведения вооруженных акций в Сайгоне и его окрестностях. К 1965 году территория «железного треугольника» не контролировалась правительственной армией Южного Вьетнама. После начала полномасштабного участия США во Вьетнамской войне в «железном треугольнике» с сентября 1965 года периодически проводились операции, направленные на устранение угрозы Сайгону из этого района. Комплекс туннелей НФОЮВ впервые был обнаружен

– Ладно, разберемся, – капитан Виски кивнул неграм. – Тащите его к остальным.

Меня нагнули в позу пьющего оленя, поволокли к выходу из пещеры. По дороге бойцы тихо, между собой, кляли службу в каких-то туннельных крысах². Боевые не выплачивают, начальство гоняет в хвост и гриву и за людей не считает. Вот только Джек хорош.

Меня доставили в другую, более просторную пещеру. Свет проникал в нее через специальные шахты, в которые сейчас лил мелкий дождь. Пространство пещеры было заставлено ящиками, на которых сидело сразу с десятков бойцов в разгрузках с автоматами в руках. У некоторых на поясах висели открытые кобуры с «кольтами». Ну прямо ковбои Дикого Запада.

Жирный, с висящими щеками америкос подошел, оглядел меня пороссячьими глазами. Его лоб был покрыт испариной, от толстого тела несло потом.

– Еще один комми? Очень хорошо, Джек. – Свинтус повернулся к вошедшему Дэниелсу. – Отличные результаты! Я сообщу о тебе в главный штаб.

– Да мне по хрен, Дамбо!

– Я сто раз просил не называть меня именем диснеевского слона!

Мне стянули руки ремнем, подтащили к группе связанных азиатов, среди которых я, к своему удивлению, обнаружил вполне себе европейского вида мужика с рязанской ряхой и небольшой бородой. Сквозь следы побоев и запекшуюся кровь явно проступал характерный нос картошкой. Лица трех азиатов также отсвечивали фингалами и кровоподтеками разной степени тяжести. Все с мрачным удивлением разглядывали меня и черную дыру на моей груди.

Пока командиры переругивались, я успел перекинуться с «Рязанью» парой слов.

– Чей будешь? – негромко первым спросил по-русски мужик. Как только догадался? Впрочем, у меня тоже вполне славянские черты лица. Широкий лоб, сильные скулы... Одет мужичок был в порванный камуфляж, но старых расцветок. Никакой «цифры».

– Мэйд ин ю-эс-эс-а, – ответил шепотом, откидываясь на стену.

– Да уж понял, что не за океаном делали. – Бородатый переглянулся с субтильным азиатом, чье лицо рассекало аж два шрама. Один шел через нос и губу, второй затронул лоб и бровь правого глаза.

– ...Я найду эту херню! – настаивал тем временем Дэниелс, споря со Свином. – Жопой чую, рядом она где-то.

в ходе операции «Стимп» (январь 1966); в дальнейшем для уничтожения расположенных в этих туннелях и других подземных сооружениях партизан на территории Южного Вьетнама складов и захвата документов противника во многих американских подразделениях были созданы специальные отряды так называемых туннельных крыс. Наиболее известной операцией в «железном треугольнике» стала «Cedar Falls» (январь 1967), крупнейшая наземная операция войны на тот момент, в которой участвовало 16 тыс. американских солдат и 14 тыс. южновьетнамских. В ходе нее американские войска переместили все население контролировавшейся НФОЮВ деревни Бенсук в лагерь для беженцев, а сама деревня была уничтожена. Несмотря на масштаб военных операций против него, «железный треугольник» оставался оплотом партизан на протяжении всей войны. Он послужил базой для подготовки широкомасштабной атаки на Сайгон в январе 1968 года. В настоящий момент в комплексе открыт туристический аттракцион.

² «Туннельные крысы». Неофициальное название подразделений в вооруженных силах США, Австралии и Новой Зеландии во время Вьетнамской войны, созданных специально для действий в подземных туннелях, вырытых вьетнамскими партизанами. Во время войны НФОЮВ и северовьетнамская армия использовали большие системы подземных туннелей, состоявшие из нескольких уровней и разделенные на комнаты с узкими коридорами между ними. Для уничтожения этих туннелей командование американской армии решило создать специальные отряды. Первое подразделение «туннельных крыс» было сформировано в 1966 году на основе 25-й пехотной дивизии (США), сразу после операции «Стимп», проводившейся в районе «железного треугольника». В дальнейшем такие подразделения были созданы во всех американских дивизиях в Южном Вьетнаме, а также в подразделениях Австралии и Новой Зеландии. В них набирались добровольцы низкого роста, тощие и с крепкой нервной системой. Задачей «туннельных крыс» было проникновение в обнаруженные подземные туннели противника, поиск там важных документов и размещения взрывных зарядов для подрыва туннелей. Обычно «крысы» были экипированы пистолетом «кольт М1911», хотя предпочтительнее были револьверы, и фонариком, иногда – портативной радиостанцией, противогазом. Специальность «туннельных крыс» считалась чрезвычайно опасной. Помимо самого противника угрозу представляли многочисленные ловушки, устроенные в специальных тупиковых коридорах туннелей. Иногда партизаны для защиты туннельных комплексов применяли животных (скорпионов, змей). Пребывание в туннелях было тяжелой нагрузкой на психику, многие солдаты не выдерживали длительного нахождения под землей и страдали из-за приступов клаустрофобии. Все это приводило к огромным потерям среди «туннельных крыс».

– Так давай еще раз поспрашиваем товарищей, – издевательски отвечал толстяк. – Выпотрошим их, и уже к ужину будем на базе. Пурпурное сердце тебе, премия – парням.

– Ты колоть их будешь до второго пришествия! Это же фанатики!

Я снова переключился на соседей.

– Звать тебя как? – «Рязань» накрепк связанные руки.

– Зови Иваном. А тебя?

– Тоже.

– Тезка? Скажи-ка мне, Иван. – Я облизнул губы. Пить хотелось ужас как. – Какой сейчас год?

– О как тебя приложили! – покачал головой бородач, глядя на шишку на голове. – Шестьдесят седьмой.

– А точнее?

– Первое мая.

– День всех трудящихся?

– Точно, наш человек.

– А вьетнамцев как зовут? – тут я рисковал, но не слишком сильно. Все примерно уже было ясно.

– Это, – тезка кивнул в адрес азиата со шрамами, – Ле Куанг Чунг, а вон тот...

Имена второго и третьего вьетнамцев я узнать не успел. Джек Дэниелс, махнув рукой на Дамбо, увел пехотинцев. В пещере остались оба негра, что меня конвоировали, и толстяк. Последний, гнусно ухмыляясь, достал из ножен тесак а-ля Рембо и произнес по-английски:

– Игра очень простая. Я задаю вопросы. По очереди. Вы отвечаете. Кто не отвечает – тому я что-нибудь отрезаю.

Эту фразу он повторил на вьетнамском и, судя по глазам моих соседей, никаких иллюзий они не испытывали. Отрежет. Потом, пользуясь такой же книжечкой, как у капитана, спросил на корявом русском, кто мы и к какому подразделению принадлежим. Мы дружно молчали.

– Чтобы вы поняли, насколько я серьезен... – Дамбо схватил ближайшего вьетнамца и перехватил ему горло. На земляной пол хлынула кровь, азиат засучил ногами.

– Эй, майор! Это не по уставу! – К Дамбо подошли оба негра.

– Майор! – Я попытался привстать, но меня пихнули ногой обратно на землю. – Я вообще не при делах! Какой, млять, тайник?

Происходящее напоминало третьесортный боевик, и я ловил себя на каком-то двойственном ощущении: нереальности, несмотря ни на что, с одной стороны, и знакомой отстраненной собранности с другой.

– Какой?! – Дамбо отшвырнул вьетнамца, затем подошел ближе, поигрывая окровавленным ножом и напроочь игнорируя черных. Упавший азиат продолжал сучить ногами и хрипеть. – Какой, сука, тайник? С секретным оборудованием, что ваши дружки-китайцы сняли с самолета-разведчика, упавшего в «железном треугольнике»! Узкоглазых наши доблестные морпехи помножили на ноль, а вот техники при них не нашли. Вопрос! Где секретное оборудование?!

Свин схватил за нос второго вьетнамца, чье имя я так и не узнал, промяукал тому что-то. Дождавшись плевка, резким движением отрезал нос.

– Я вообще... турист!

На меня брызнула кровь из обрубка на лице вьетнамца, но тот даже не вскрикнул.

– Оооо! Для таких туристов, да еще со знанием английского, у нас есть специальное обслуживание.

Дамбо навалился на меня, прижав к полу, схватил за ухо:

– Ну, где тайник?

– Майор! – Негры мрачно смотрели на толстяка.

– Заткнитесь!

Я скосил взгляд на Ивана, тот за спиной шевелил руками. Моргнул мне. Предлагает тянуть время?

– Ладно, ладно! Я покажу!

– Так бы сразу! – Дамбо поднялся, равнодушно посмотрел на изуродованного окровавленного вьетнамца, достал из кобуры «кольт», выстрелил в голову. По ушам оглушительно ударило, нас опять забрызгало. Только теперь мозгами. Кисло запахло порохом.

– Но смотри, турист! Если наврал... Я тебе отрежу член и заставлю его съесть. – Майор кивнул черномазым, те подхватили меня под руки, вздернули на ноги. Пожалуй, это они зря.

Когда негры закинули автоматы за плечи, Иван начал действовать. Руки его вдруг оказались свободными; сильным ударом ребром ладони «Рязань» сломал гортань правому негру и тут же пробил в глаза левому растопыренными пальцами другой руки. В этот же момент Чунга прямо с места прыгнул на майора и толкнул того плечом под колени. Дамбо упал, но курок нажать успел. «Кольт» жажнул, Ивана откинуло назад. Оставшийся в живых ниггер с воем, держась за глаза, рванул к моему тезке, но тут уже не сплеховал я. Подставил подножку и, игнорируя заваливающееся тело, прыгнул к Дамбо, с силой приземлившись тому на голову. Под «джорданами» противно хрустнуло.

Чунга тем временем навалился на полуслепое негра, но тот легко откинул невесомого вьетнамца. Иван еще шевелился у стены. Шатаясь, джи-ай встал, нашарил упавший автомат.

– Ну же! – Я тоже пытался достать пистолет Дамбо. И сделать это стянутыми сзади руками было ни хрена не просто.

Вьетнамец еще раз попытался в стиле регби сбить негра с ног, бесполезно. Но это выиграло нам время.

Я нащупал наконец «кольт», лег на бок и начал стрелять, пытаюсь хоть как-то прицелиться в этой опупительной позе. Сначала пули уходили в молоко, затем одна из них угодила америкосу в ногу. Тот с воплем упал на колени. Дальше я достал его в поясницу. Недобиток все сжимал М16, но снятый с предохранителя ствол уперся в пол.

Еще выстрел, еще... Все. Американец упал на своего дохлого сослуживца, несколько раз дернувшись в агонии. Всадив на всякий случай по несколько пуль в труп Дамбо и второго негра, я окончательно оглох.

– Проход! – прохрипел Иван, подползая ко мне. Я не услышал – понял по движению губ. Плечо у тезки было разворочено, из раны толчками вытекала кровь. Но это не помешало «Рязани» сначала перерезать ножом Дамбо ремень на моих руках, потом освободить Чунгу. Силен!

Я подхватил М16 и, уже слыша нарастающий топот ботинок в туннеле, упал на пол, а затем высадил полрожка в распахнутый зев прохода. Бил на расплав ствола. Рядом оказался вьетнамец, который вытаскивал гранаты из разгрузок на мертвых телах и принялся сноровисто закидывать их прямо через мою голову. Усики он разгибал с какой-то невероятной скоростью.

Пожалуй, это сыграло решающую роль. Американцы начали стрелять, но с гранатами хрен поспоришь. Серия взрывов принесла на хвосте ударную волну и дикие крики. Пещеру заволокло пылью, но это не остановило Чунгу, который вбежал в проход и закинул туда еще несколько гранат. Стены снова трянуло, криков больше не было.

Я встал, потряс головой и подошел к бледному как мел Ивану. Пулевое ранение впечатляло. Криво перетянул парню плечо ремнем. Большая дыра, прямо как на моей майке. Ее я стянул, бросил в угол. Туда же пошли шорты, грязные «джорданы».

– Что ты делаешь? – Чунга успел вооружиться автоматом и даже нацепил разгрузку.

– Ты говоришь по-русски?

– Он и по-английски шпарит, – прохрипел Иван. – Туннель проверьте! Только аккуратно.

Я стянул штаны с одного негра, примерил ботинки второго. Подошли. Противно было? Сука, еще как. Но еще противнее бегать по джунглям с голой жопой. А в том, что придется пробежаться, я даже не сомневался.

Зеленая куртка и ремень с разгрузкой пришлись в самую пору. Путаясь под пристальным взглядом вьетнамца, вытащил из подсумка и переставил магазин на винтовке. Медленным шагом, пригибаясь и подсвечивая путь фонарем, мы вошли в туннель.

И вот тут моя отстраненность дала сбой. Меня замутило. Кишки в туннеле буквально висели по стенам. Там и здесь валялись обезображенные тела и их фрагменты, ботинки хлюпали в крови, как в болоте.

Джек был жив. Видимо, он шел последним, поэтому ему досталось меньше всех – всего лишь разворотило живот, осколками посекло голову. Я и узнал-то его, окровавленного, по крупной красной цифре один на шевроне. Дэниелс лежал, скрючившись и прижимая руками вываливающиеся из раны кишки, как бы пытаясь собрать их обратно.

Чунг приставил к голове капитана «кольт» толстяка, но я перехватил его руку.

– Подожди!

Дэниелс открыл глаза, посмотрел на меня.

– Хррр... фак...

– И тебе фак, – спокойно кивнул я. – Сколько ваших там, наверху?

– Да пошел ты... – Капитан попытался перевернуться на бок, застонал.

Чунг вернул Джека обратно в сидячее положение, наступил ботинком на кишки. Дэниелс заорал от боли.

– Товарищ спросил тебя – сколько солдат у северного входа? – Чунг говорил на достаточно чистом английском, слегка шепелявя.

– Горите в аду, ублюдки!

– Толку не будет. – Чунг пожал плечами и вопросительно на меня посмотрел: – Я соберу жетоны и оружие?

– Собирай. – Я захлопал обратно. Сзади раздался выстрел.

Вернувшись в пещеру, мы заспешили. Распотрошили подсумки пехотинцев. Вооружившись найденными индивидуальными аптечками, сняли жгут с Ивана, тщательно забинтовали плечо. «Рязань» был бледный, краше в гроб кладут.

– Хорошо, что пуля насквозь прошла. – Я оглянулся и увидел, как Чунг закрывает глаза своим соотечественникам, собирает с них жетоны. Двигался вьетнамец стремительно, четко. Будто робот.

– Я не дойду, – помотал головой Иван. – Оставьте мне гранату и идите.

– Не звезды, – отмахнулся я. – Дотащим. Я от груди двести жму.

Если я в прошлом... Если так, то дотащить Ивана к своим – мой единственный шанс. Входной билет, так сказать. В противном случае... Даже думать не хотелось, что сделают со мной американцы за взвод джи-ай с капитаном и майором в придачу.

Я подошел к толстяку, обыскал его. Сигареты «Кэмел» в сторону, документы и жетон в карман. Кобуру от автоматического «кольта» – на пояс. Удобная, с клипсой. Неловко, с трудом снарядил магазин. Прям чеченской повеяло. После каждого боя первым делом провести контроль и доснарядиться. И запах... Да, запах крови, кишок...

В планшетке рядом с трупом оказались карты, папка с какими-то документами. Я быстро пролистал ее: рапорты, отчеты. Судя по всему, в секретное оборудование, закладку которого искали американцы, входила последняя модель радара и фотокамера высокого разрешения. Все это китайцы сняли с упавшего самолета-разведчика, а наши военные – я покосился на Ивана – вместе с вьетнамцами решили подрезать хабар. Красавцы! Точнее, были бы красавцы, если бы не попались американцам.

Глава 2

Нужно было поскорее убираться. Взрывы и выстрелы наверняка могли услышать наверху. Я впился глазами в трофейную карту. Все на английском, но схема и так понятна. Горы, речка и лес выглядят на всех языках одинаково. Я потряс перед лицом Ивана находкой:

– Где наши? Куда идти? Эй!

Но тот закатывал глаза и норовил отключиться. Мычал, всматривался в цветастую бумажку, не в силах сфокусировать взгляд. Я даже не был уверен, видит ли он вообще хоть что-то. Черт! Только бы не сдох... Если копыта откинет, мне точно трындец! Даже если дойду к своим, порешат как шпиона.

Есть еще на Чунга надежда, но, судя по всему, он из представителей северного сопротивления, что как мыши в джунглях по норам прячутся. И придется тогда с ним до скончания веков мыкаться по лесам и жрать тараканов. На такой диете я и недели не протяну. Сколько там война еще продлится? Лет семь-восемь?

Не, не хочу быть тропической мышью. Домой хочу. Хотя, что там сейчас вместо дома? 1967 год на дворе. Скорее всего, моего дома нет в природе. Мне некуда возвращаться. Ладно, об этом позже думать буду, сейчас бы жопу спасти.

Чунг шнырял, словно мартышка, ловко собирая и отстегивая рожки с окровавленных М16. Неплохая штурмовая винтовка. Против «калаша», конечно, говно. Калибр несерьезный и капризная, как девка мажорная. Но на безрыбье и щуку раком. Хотя кучность у «эмки» неплохая, особенно если очередями шмаляешь. Легкая пуля и легкий патрон делают свое дело.

– Куда столько набрал? – окликнул я вьетнамца. – Не унесешь!

Но тот не слушал. Лишь поглядывал на меня раскосыми глазами, прибирая очередной магазин. Я махнул рукой. Жадность не порок: пусть хабар собирает, ему виднее. Может, и правильно делает. Сейчас главное – нахапать побольше и драпать подальше. Потом в джунглях укроемся и выщелкнем патроны из магазинов, рассыпухой их проще тащить будет. Запас карман не тянет, лишь бы ноги унести.

А вот как Рязань тащить? Кантовать его нежелательно, если на плечо закину, совсем кровью изойдет. Носилки надо или волокушу.

Но вьетнамец будто мысли мои прочитал и, пока я чесал репу да вглядывался в очертание болот и лесов, что на карте раскинулись, приволок откуда-то жерди. Сцепил их лианами в подобие лежанки.

– На раз, два, три! – скомандовал я.

Мы подняли раненого и переложили на волокушу. Рязань даже не дернулся. Вырубился... Плюс инфекция могла в рану запросто попасть. Кругом сырость, грязь, кровь, кишки... Ничего, аптечку я урвал, потом ампициллина ему вколю, или что там из антибиотиков у американцев есть, не знаю.

Я подхватил винтовку, запасными магазинами набил разгрузку так, что та раздулась до размеров фуфайки. Шестизарядный «кольт» ощущался на бедре приятной тяжестью, придавал уверенности. Защелку на кобуре не стал замыкать; если что, быстро оружие выдернуть смогу. В ближнем бою револьвер – самое то. Жаль, не было у нас таких в чеченскую. В России все закончилось «наганом».

Револьвер примитивен и безотказен. Тут работает золотое правило: чем проще, тем надежнее. Автоматики, естественно, нет, все на мускульном приводе. Но именно поэтому задержек, осечек и прочих казусов намного меньше. А даже если осечка, то по хрен. Сразу второй раз нажал, барабан прокрутился и – бах! А тот, кто с пистолетом «осекся», – сразу труп. У нас так много бойцов полегло с ПМами. Не почистил после боя, вообразил себя крутым Рэмбо и – бац! Тебя уже закапывают.

Чунг навесил на себя аж два винтаря, набил небольшой рюкзак боеприпасами и гранатами. Маленький оборвыш с кровавым лицом вынослив и бесстрашен, как зверек-медоед, тому вообще все равно, кто перед ним, леопард или гадюка.

Еще я нашел громоздкую ранцевую радиостанцию. С собой бы взять, чтобы врага слушать; английский я немного еще помнил: было дело, увлекался в молодости. Но гробик на ляшках в стальном кожухе весит немало. И антенна торчит, как метка над кустами. Вот он я. Стреляйте сюда. Кидайте бомбы. Поэтому радисты долго не живут. Еще и «свои» же ветконговцы могут пришить: боятся они авиации и напалма. Только увидят наводчика-радиста с торчащей из кустов антенной – сразу гранатами закидывают.

В туннеле обнаружился второй схрон. Небогатый, но разжиться можно. Я так понял, что подземелье американцы использовали как небольшой перевалочный пункт и частенько сюда наведывались.

Трофейный рюкзак на плечи. Внутри сухпай, аптечку. Еще гранат туда накидал – зеленых, яйцевидной гладкой формы, будто слепленных из двух половинок. Парочку впихнул в разгрузку. Все. В путь...

Я тащил волокушу, а Чунг шагал впереди.

– Знаешь дорогу? – спросил, кивнув на раненого. – Его к своим надо!

Вьетнамец мотал головой и, горячо жестикулируя, доказывал, что лучше дойти до базы его отряда.

Вот же! Не понимает, мартышка, что мне бы побыстрее отсюда слинять. Не моя это война. Что я здесь забыл? И эта мерзкая паутина, что облепила лицо, бесит меня больше, чем американцы. Ладно... Пусть ведет. Вариантов два: сдохнуть или идти за Чунгом. Дорогу он явно знает, даже карту не стал смотреть.

Груженные барахлом и раненым покинули тоннель. Я тянул груз, словно бурлак на Волге. Но там бородатых много было, а я один корячусь. И борода у меня поменьше. Хотя теперь можно вообще не бриться. Аленка все пилила «сбрей» да «сбрей». Пришлось урезаться до эспаньолки. Все! Аленки больше нет, а борода есть и будет. Как у Льва Толстого отращу.

Поднявшись наверх, рукавом форменной куртки смахнул пот со лба. Жара за тридцать, влажность как в сауне. Но трофейная шкурка добрая. Просторная и дышит отменно. Надо было еще шейный платок у жмуrow подрезать. Пот вытирать. Но не было там платков без крови, а я брезгливый, хоть и детдомовский.

Час протопали, а устал, как после двухчасовой тренировки на сушку. Благо привычен тяжести ворочать, а так бы не вывез с такой поклажей.

Азиат шнырял впереди, будто хорь на охоте. Я только и видел, как среди кустов мелькает его тщедушное тельце. Я же брел по джунглям, словно бык посреди шоссе. Напрямки и не сворачивая. Не до конспирации мне, от жары бы не сдохнуть. Пока у меня вьетнамец есть, можно пренебречь предосторожностью.

Шаг, второй, еще... Мышцы стали забиваться. Нужно перерывчик сделать. Как в качалке между подходами, иначе потом «вес» не возьму.

– Стой! – крикнул я проводнику. – Перекур. И Ваньке укол надо сделать.

Вьетнамец подскочил ко мне, затараторил:

– Нельзя останавливаться, американцы придут. Скоро. По следам найдут, это легко. – Чунг действительно прилично говорил по-русски. Похоже, тут не только советские братья по оружию расстарались, но и какая-нибудь московская языковая кафедра, не меньше. Правда, слова он произносил как-то мягко и протяжно, будто француз-педрила: «нельзя», «америка-анцы», «легко-о». Да еще иногда ставил не так ударения, но я-то по-вьетнамски вообще ни в жопу копытом. Так что на моем фоне парень вообще красавчик. А Чунга-Чанга тем временем продолжал: – Надо уходить. Ивана брать нельзя. Его не спасем и сами не уйдем.

– Все уйдем, – с нажимом произнес я, давая внутри злость. Щаз, не уйдем мы... Умоются и кровью обхаркаются. – Бросишь товарища – бросят и тебя. Усек?!

Чунга просто кивнул и вроде успокоился. По крайней мере, пока. Главное – на патриотизм давить. Он-то за свою землю кровь проливает, а я хрен знает, как здесь вообще очутился. Может, от ядерного удара преломление какое случилось? Континуума или другого синхрофазотрона. Я в этом сильно не разбираюсь. Не скажу же я ему, что Рязань – это мой пропуск к своим, и у меня меркантильный интерес к спасению советского «Райана». Но не совсем же я скотина. Не только поэтому впрягся в повозку и осликом выючным прикинулся. Все-таки Иван... Он свой. В детдоме за своих держались. По зубам получали, но держались.

Я отдышался, вытащил из рюкзака подсумок болотного цвета с красным крестиком на клапане и распотрошил его содержимое. Бинты, таблетки, жгут, присыпка какая-то. Черт! Шприцов и ампул нет! Как так?!

Взял в руки флакон из оранжевого пластика с надписью «Васитрасин». Любой дурак знает (слава богу, я не такой – я, скорее, умный отморозок), что все, что оканчивается на «цин» – является антибиотиком, а не китайской династией. Только почему порошок? И где, млять, шприц? Чунг еще в туннеле этой самой присыпкой Ване рану пудрил, когда перевязку делали. Получается, смысла нет его снова дергать и бинты потрошить.

Я посмотрел на раненого. На его лбу выступили крупные капли пота. Это хорошо. Потеет – значит, живет, и обезвоживание еще не настало. Осторожно влил Ване воды между запекшихся губ.

Чунг тем временем «лузгал» рожки от М16, как белка орешки. Выщелкивал патроны и складывал их в один из подсумков. Я отпил воды из трофейной фляжки. Теплая жидкость противно отдавала алюминием и сероводородом. Ни разу, сука, не виски. Дэниелс... А ведь фляжечку я с твоего трупа подрезал.

Эх, Ваня-Ваня... Что же ты такой хилый оказался? Крови, что ли, много потерял? Двинули дальше. Открылось второе дыхание. В непролазной чаще мой проводник умудрился отыскать тропу, по ней мы и продирались. Ноги вязли в густой траве и влажной почве. На внедорожнике здесь явно не проедешь. Значит, если будет погоня, то пешая. Или воздушная. Скорее всего, второе.

Дамбо – хрен с ним. А Дэниелса нам не простят. Породистое лицо, аристократ. Поди, Вест-Поинт закончил. Или еще какую военную академию.

Если не останавливаться, есть шанс оторваться. Я вышел на крейсерскую скорость и тянул волокушу, раздвигая траву, что вздымалась выше пояса. Теперь вьетнамец немного отстал. Дорогу искать не надо было, с тропы даже слепой не собьется, и Чунг шнырял где-то в хвосте.

Молодец, мелкий, прикрывает мне спину. Прикрывать ее надо. Широкая слишком и попасть в нее, как два пальца... А оглядываться мне недосуг. Еще пот глаза заливает. Млять! Все-таки надо было взять платок, даже в крови.

Я шагнул и на мгновение почувствовал, как нога зацепилась за длинную лиану. Упругую такую. Но это оказалась струнка.

Щелк! Сердце провалилось, а я нырнул мордой в землю, бросив волокушу. «Растяжка!» – мелькнула в голове мысль.

– Ложись! – крикнул я вьетнамцу и зажал голову руками.

Но взрыва не последовало. Точнее, что-то бухнуло, как хлопушка новогодняя, а потом зашипело. Явно не мина и не граната. Я оторвал морду от земли и посмотрел вверх. Синеву неба прочертила светящаяся красная точка со шлейфом дыма. Твою мать! Сигнальная растяжка. Теперь каждая собака знает, где нас искать.

– Чунг! – крикнул я. – Валим, валим!

Но обезьяны и след простыл. Вот паскуда! Бросил меня! Ракеты испугался! А как же мы?

Первой мыслью было рвануть напролом через джунгли, но, окинув взглядом это безумное переплетение всяких пальм и прочих лиан, понял, что я не то что волокушу – руку толком не просуну в этот растительный компот. Стиснув зубы, вцепился в оглобли и потащил дальше по тропе с удвоенной силой. Сердце отдавало молоточками по вискам, пот щипал глаза. Во рту опять пересохло и появился металлический привкус крови. Но я не останавливался. Первперед сквозь заросли, как ледокол по Арктике. Напролом.

Тых-тых-тых! Сверху послышался характерный шум лопастей. Я спешно свернул с тропы, подтянул волокушу и забился под огромное раскидистое дерево.

В небе завис болотного цвета вертолет. По округло-тупой морде, как у мультяшной акулы, и открытым для пулеметчика бокам я узнал «Ирокез». Для пушного сходства с хищницей спереди намалеваны белой краской зубы раскрытой пасти. В фильмах такие вертушки часто видел. И за Рэмбо такой по джунглям гонялся. Ах, как мы болели в видеосалонах за Слая... Но я – не Рэмбо, боевая подготовка имеется, но камнем сбивать вертушки не умею.

Я притаился и даже инстинктивно дыхание задержал. «Ирокез» завис над местом, где сработала сигналка. Стрелок растопырился в боковом проеме и водил по джунглям стволом станкового пулемета на длинной ноге.

Ветер от винта предательски раздвигал кусты и пытался обнажить мое убежище. Я наспех накидал разлапистые листья какой-то травы, напоминавшей папоротник-переросток, на неподвижную тушку Ивана, а сам прижался к шершавому стволу дерева.

Вертушка нарезала круги. Черт! Только бы не заметили. Надо что-то делать.

Быстро сдернул с плеча винтовку. Патрон в патроннике, предохранитель выключен заблаговременно. Я вскинул «эмку», взял вертолет на мушку. Далековато. Если в первые несколько секунд не сниму пулеметчика, он меня потом в капусту покрошит и как звать не спросит. Ему и целиться-то особо не надо. Скорострельность ствола такая, что достаточно просто провести им по зарослям туда-обратно, и хоть одна из пуль меня да зацепит.

Я выжидал. Если «Ирокез» нас не заметит, лучше смоюсь по-тихому. Но вертолет оказался настырным, упрямо нависая, как овод над коровьими жопами. Улетать, сука, не хотел.

Взяв небольшое упреждение, вдавил приклад в плечо, поводил стволом вслед за «акулой». Кончиком указательного пальца чуть притопил спусковой крючок и замер. Ну, давай, тварь! Ближе, ближе...

Теперь не было сомнений, что вертушка от меня не отстанет. Или я, или она. «Ирокез» повернулся боком. Пулеметчик как на ладони. Пора.

Тра-та-та! Я жажнул сразу длинной очередью. Отдача неожиданно оказалась не такой сильной, как у «калаша». Я вгрызлся в почву коленом, удерживая равновесие. Очередь полоснула пулеметчика, прошлась прямо по пятнистой груди, вспучив ткань разгрузки. Стрелок дернулся, но никак не падал, будто не верил, что уже труп. Я добавил еще очередь, но тот уже повис на ремнях безопасности.

Вертолет круто заложил вираж, пытаясь свалить. Похоже, экипаж был всего из двух человек – пилота и пулеметчика.

А вот хрен! Выкуси! Я выпустил остатки магазина вслед «Ирокезу». Броня у него никакая, и пули достали механику. От kloкочущей машины повалил шлейф черного дыма. Вертолет сбился с курса и, заваливаясь раненой птицей, пошел на снижение.

Вот я мудака! Пилот явно выживет и призовет сюда по радиации всю американскую армию. Форт-Брэгг и Ко. Надо было дать ему уйти, а теперь упавший вертолет будет радиомаячком. Но локти кусать недосуг. Я воткнул новый магазин и вновь впрягся в «телегу». Буду идти, пока есть силы и патроны. В плен мне никак нельзя: нос у меня слишком красивый, не хочу его лишиться. Дамбо все очень отчетливо объяснил.

Какое-то время казалось, что я оторвался. Я шпарил по джунглям не оборачиваясь. Разлапистые ветки хлестали по морде, ползучие побеги норовили схватить за ноги, болотистая

почва пыталась засосать и замедлить ход. Но я настырный. Остановить сейчас меня только пуля может. И то в голову.

На работе меня часто называли отмороженным. За глаза, конечно, но я не обижался. Честно говоря, таким я и был. Меня и взяли в ЧОП на должность старшего группы быстрого реагирования, потому что не прятался за спины других. Район нашего обслуживания проходил в промзоне: много заброшенных заводиков, переродившихся в склады и шабашные одноразовые предприятия. Мебельщики собирали ширпотреб, автожестянщики людей окучивали, и подобные шарашки процветали. Район криминальный и неблагополучный. Гетто с прилегающими жилыми бараками и унылым, как моя детдомовская жизнь, ландшафтом. Гопота плодилась там, как радиоактивные грибы в Чернобыле. К тому же любили в этой трущобке селиться бывшие сидельцы, что откидывались из тридцать пятой колонии неподалеку. Жилья у них своего не было, а там комнату чуть ли не за мешок картошки можно было снять. Вот и подобрался в райончике контингент такой, что даже участковый сюда соваться боялся. Все местные шарашки подключили тревожные кнопки и охранные сигналки нашего «Барса», так как другие ЧОП не горели особым желанием обслуживать эту мерзоту. Днем «геттовцы» бухали технарь, а ночью собирались на дело. Вскрывали склады и СТОшки. Иногда сработки каждые полчаса были. Выезжали мы на неказистой «гранте»-оперативке и ловили гадов. Всякого навидались. Напарники на дежурство заступали охотнее, если знали, что Отмороженный сегодня в смене.

Где-то сбоку раздался хруст. Я остановился. Сердце стучало, как кузнечный молот, и норовило выпрыгнуть из груди. Да еще эта адская влажность и жара...

Фух! Хочется сдохнуть, но отступить я так и не научился. Я присел на корточки, схватился за винтовку. Хруст повторился.

Глава 3

Я вглядывался в чашу и водил стволом, выставив его вперед, готовый в любой момент пальнуть по гостям. Но никого не видно. Может, зверь какой? Или ветер? Неожиданно кусты раздвинулись и оттуда показалась голова Чунга.

– Тьфу ты! – сплюнул я, убирая винтовку. – Напугал меня! А если бы пальнул? Где ты лазил, партизан хренов? Я думал, ты сбежал.

– Сюрприз готовил, – загадочно проговорил вьетнамец. – На дороге. Американцам понравится.

Некогда пухлый рюкзак вьетнамца сейчас заметно похудел. Теперь ясно, где он пропал. Поди, тропу заминировал, а я его уже в иуды записал и проклял почти. Молодец, чо.

– Понравится, – беззлобно передразнил я и кивнул на волокушу. – Помогай тогда. Тоже мне, нашелся Дед Мороз... Впрягайся, раз позади все пучком.

Чунг кивнул, поправил висащие на спине винтовки, и послушно встал рядом со мной. Вдвоем дело пошло веселее. Волокуша бодро шуршала, приминая высокую траву. Но частенько джунгли стискивали тропку до ширины ручейка, и в таких местах мне опять приходилось тянуть в одну каску.

Прошли около часа. Сколько это в километрах – не понял. Передвигаться по джунглям медленно получается и петлять часто приходится. То болотце впереди нарисуеться, то огромная коряга поперек гниет, то еще какая холера, вроде непролазных сплетений колючек и лиан. В общем, не прогулка по парку.

– Все... Привал! – скомандовал я после взятия штурмом очередной лужицы.

Такие препятствия особенно выматывали. Глубина небольшая, не выше колена, но грязь присасывает ноги намертво и отпускать не хочет.

Мы аккуратно положили волокушу на землю, а я без сил бухнулся на траву. Чунг был живее меня. Привык по таким «лесопаркам» шнырять. Да и раненого он недолго тащил. Не успел вымотаться. Впереди маячила еще одна подобная лужица. Широкая, хрен обойдешь. А за ней проглядывалась еще. Черт... Кажется, в болота попали. В воздухе появился запах затхлой тины и сероводорода.

– Куда ты нас ведешь, Сусанин? – спросил я Чунга. – Ты точно дорогу знаешь? Воды кругом становится больше.

– Дожди почти неделю идут, – пожал плечами тот. – Тропические, сильные. Теперь все внизу как болото. Сусанин – это кто?

– Да был такой... «заводи́ла». Отжигал с поляками.

Меня потряхивало, я все никак не мог переварить свой провал в прошлое. Как жить? Точнее, как выжить?

– И куда нам теперь? Обрато поворачивать?

– Не знаю, – вьетнамец задумчиво пригладил черные гладкие волосы. – Проверю впереди, ты пока отдыхай.

– Давай, – кивнул я. – Если найдешь вертолет или катер на подушке, тащи их сюда, буду благодарен.

Чунг даже не улыбнулся шутке. Интересно, вьетнамцы вообще понимают русский юмор? Американцы точно не понимают. А этот вроде смышленным выглядит. Но похоже, что улыбаться не умеет. Жизнь, наверное, тяжелая была, не научился. Хотя, может, он просто не догоняет – речь у меня ни хрена не литературная.

Проводник скрылся в чаше. Я прихлопнул очередную «сколопендру», пытавшуюся залезть мне за ворот. Поморщился и отшвырнул раздавленное мерзкое тельце подальше от

себя. Плечи мои невольно передернулись. Не думал, что боюсь насекомых. Таких, наверное, все боятся...

Деревья вдруг заколыхались, поднялся ветер. Только что ясное небо покрылось неизвестно откуда набежавшими тучками. Глазом не успел моргнуть, как тучи задавили солнышко. Темно стало, будто в сумерки. Погода в тропиках меняется быстро и непредсказуемо, совсем как настроение у тещи. Тьфу, тьфу... Нет и не было у меня никогда тещи. И жены, соответственно, тоже... Был момент, что чуть на Аленке не женился. Сдуру. Но ее скверный характер вкупе с моим рахдолбайством уберегли нас от необдуманного шага. Хотя я уже готов был остепениться. Все-таки сорокет недавно стукнул. Не мальчик уже, пора бы и памперсы начать покупать и другие пустышки.

Все мои друзья уже успели жениться, развестись и еще раз жениться. А я только на их мальчишниках гулял, и на их вопросы, когда уже сам хомут надену, уклончиво отвечал, что не нашел еще ту самую единственную светлую женщину, достойную стать моей тещей.

Громыхнули раскаты. Бахнуло совсем рядом, я аж вздрогнул. Крупные капли дождя зашуршали по листве. Жара вмиг спала. Изо рта даже пар пошел.

Я вытащил из рюкзака трофейный дождевик и накрыл им Ивана. Его рану нельзя мочить. Не хватало нам еще заражения. Лицо раненого накрывать не стал. Он и так горит. Пусть охладится немного и губы смочит. Сам уселся под раскидистый куст, напоминавший ботву гигантской моркови. Дождь ливанул резко, будто боялся, что не успеет промочить землю, пока ветер не разогнал тучи. А ветер все-таки вскоре их разогнал.

Солнце протиснулось сквозь свинец облаков и тронуло лучом лицо Ивана. Он застонал. Пошевелился и открыл глаза. Первые несколько секунд хлопал ресницами, уставившись на человека в американской зеленке. Долго не мог понять, кто перед ним. Наконец его взгляд обрел осмысленность и ясность, и он понял, что перед ним земля.

– Ну ты засоня, – улыбнулся я. – Столько всего интересного проспал.

– Где мы? – озадаченно пробормотал Иван, недоуменно вращая глазами. – Пить дай...

– А черт его знает, где мы, – пожал я плечами, снял с пояса фляжку и протянул Ивану. – Я вообще не представляю. Для меня все вокруг одинаково. Чунг ведет нас к своим, я так понял. Куда-то на север. – Я ткнул пальцем в компас, что прихватизировал с трюпов.

– Где он?

– Без понятия. Похоже, что на разведку пошел. Искать обходные пути. На болотце мы напоролись. Дальше дороги нет.

– Ясно, – нахмурился солдат. – Только мне к своим нужно. Срочно...

– Всем нужно, – кивнул я. – Мне бы тоже не мешало в свой социум обратно влиться. Как-то не привык я жить среди термитов, сколопендр и прочих американцев. Если покажешь дорогу на карте, могу попробовать тебя дотащить до своих. Только мне там не рады будут.

– Это почему? – насторожился Иван.

Я тяжело вздохнул.

– Есть причины.

– Ты работаешь на американцев? Ты дезертир?

Он попытался приподняться на локте, но не смог. Застонал и снова расстелился.

– Хуже, – улыбнулся я. – Я из будущего.

– В каком смысле из будущего? – черные жесткие брови Ивана встали домиком, он посчитал, что ослышался.

– В смысле из другого года. Из века даже другого. Как в прошлое попал, не знаю. Только в моем времени война эта уже давно закончилась.

– И кто же победил? – ухмыльнулся Иван, думая, что я над ним издеваюсь.

– Никто. В войне побеждает тот, кто выжил... Но, если тебе интересно, американцы с позором свалили из Вьетнама. Так бежали, что чуть штаны не потеряли.

– Чудной ты, тезка, – вместо того чтобы признаться, кто ты есть на самом деле и какого хрена делаешь в джунглях, сказочки мне про будущее рассказываешь.

– Ведь знал, что ты не поверишь, – поморщился я. – Но выговориться кому-то надо было. Может, я не один здесь такой.

– Не один, – кивнул Иван. – В психушке таких полно. Но ничего. Доберемся до своих, а там в госпиталь тебя сплавим. Врачи у нас ого-го. Кого хочешь на ноги поставят.

– Или, наоборот, растением сделают, – добавил я. – В моем случае лучше никому не знать этот секрет. И ты не болтай. Считай меня убогим, раз тебе так проще, но молчи. Договорились?

– А то что? – нахмурился Иван, глаза его сузились до щелок. – Убьешь меня?

– Тебя убить проще, чем муравья раздавить. Хотел бы убить, давно бросил под кусточком. Не мели ерунды. Свой я, Ваня. Свой... В это ты можешь поверить? Поверь – и сразу жить станет легче...

Дождь усилился, я перетащил стонущего Ивана под раскидистую пальму. Вроде стало посуше.

– Ну в том, что ты свой, я не сомневаюсь. Американцы бы не додумались до такой тупой легенды. И на дезертира ты не похож. Видно, что недавно в джунглях. Морда не загорелая, ноготочки как у бабы, без грязи и заусенцев.

Глазастый.

– О, какой ты наблюдательный! Ну раз так, то скажи, откуда я мог такой взяться? Красивый и ухоженный. Среди леса, пешком и налегке.

Но Иван не успел ответить. Из чащи вынырнул Чунг. Увидев, что Иван очнулся, вьетнамец разулыбался (умеет все-таки):

– Живой, командир! Думал, все. Впереди все хорошо, дорогу нашел. Можно идти!

– Подожди, Чунг, – сказал Иван. – Планы меняются. Мне срочно нужно к своим. Кое-что передать надо. Понимаешь? – Он многозначительно взглянул на проводника. Вот паразит! Я его на своей горбушке полдня тащу, а он при мне разговаривать «стесняется». Дождется у меня. Брошу его на хрен на съедение термитам. Я уже хотел было обидеться, но поразмыслив, немного остыл. На его месте я бы тоже пальцем у виска крутил. Прискакал бы ко мне добрый молодец и заявил бы, что из другого века. Из двадцать третьего, например. В котором инопланетяне Землю захватили и из людей остались в живых только Путин и Пугачева. Я такого тоже бы в дурку сдал. То, что Путин еще править будет, я могу поверить. Но у Борисовны уже сейчас проблемы со здоровьем...

Иван попросил развернуть меня трофейную карту. Он пробежался по ней глазами и ткнул в место севернее нашего местонахождения:

– Здесь должны быть партизаны. Они помогут нам добраться до своих.

– Зачем нам партизаны? – спросил я. – Нельзя сразу к своим шуровать?

– Далеко, – замотал головой Иван. – Без вертолета не доберемся. Нужно вертушку вызвать...

Вот не люблю неопределенности. Пойди туда, не знаю куда... Я хоть по жизни и раздолбай, но важные дела привык доводить до завершения. За это меня на работе начальство и ценило, и премии кой-какие подкидывало. Сто раз хотел уволиться со службы, где сутками пашешь, а недосып – это норма, но внутри что-то не давало... Если уволюсь, значит, слабак. Не выдержал. У каждого свои тараканы. У меня он один, но большой, с-сука.

Ба-бах! – громыхнул взрыв. Рядом захлопали крыльями какие-то птицы. Грохот вспугнул их. Это были явно не гроззовые раскаты. Дьявол! Похоже, сработала ловушка Чунга. Плохо дело! За нами погоня.

– Уходим! – крикнул вьетнамец. – Мины!

Он закинул за спину две М16, рюкзак и бросился вперед:

– Давай за мной!

Вот бляха! Легко сказать – «идите»... Опять, чертенок, смылся. Ну да ладно, теперь я точно уверен, что он не бросит нас. Видно, еще что-то придумал. Сайгаком поскакал, только пятки сверкают.

Я опять прикинулся бурлаком и навалился на «оглобли». Иван пытался приглядывать за тылом, что-то бормотал. Но речь его становилась бессвязной. Похоже, жар усилился. Потом он и вовсе замолчал. Снова отрубился... Организм экономил силы и отключал мозг. Содержимое черепушки – это же самый энергозатратный орган в теле...

Я протащил Ваню еще около пары километров. Жопой, вот прямо самыми мелкими волосками на ней чувствовал, что преследователи близко. Если быстрым шагом шлепают, то их скорость раза в два выше моей. Еще минут пятнадцать-двадцать, и они меня догонят. Где чертов вьетнамец? Куда он пропал?

Мокрые ветки хлестали по лицу. Чтобы их раздвинуть, не хватало рук. Я брел вперед и тихо матерился. Хотелось громко с русским размахом, но боялся, что преследователи услышат. Споткнулся об очередную пенек (в траве не видно его совсем) и зарылся мордой в грязь. Встал, отряхнулся и хотел уже выдать очередную порцию приглушенного сочного мата, но передо мной вырос Чунг.

– Быстро, – сказал он и схватил волокушу. – Тащим туда.

– Зачем туда? Бросить его, сука, хочешь?

– Нет, – замотал головой вьетнамец. – Джи-ай здоровые, быстрые. Не уйти. Встретим их тут.

– Ну, давай, хули! Мы же терминаторы, – окрылся я. – Вдвоем против отделения? А может, там целый взвод? Пофиг.

– Терминаторы не знаю. Все хорошо придумал, – бормотал азиат. – Увидишь. Ивана надо спрятать, помощи.

Мы свернули с дорожки и утащили раненого подальше в заросли. Забросали листьями, наказали вести себя хорошо и помалкивать. Шутка. Он и так молчал. В сознание пока не пришел.

Вернулись к тропе. Следы волокуши четко просматривались. Сломанные кустики, примятая трава, а в том месте, где были проплешины с грязью, еще и следы от «полозьев» отпечатались. Да... Не нужно быть Соколиным глазом, чтобы найти нас.

Только сейчас я обратил внимание, что у Чунга одна винтовка, вторую он куда-то замячил.

– Надо наверх, – азиат махнул рукой на раскидистое дерево с заскорузлым стволом и длинными свисающими листьями как у початков кукурузы.

– На хрена? – Я прикинул высоту дерева, если вскарабкаться на самый верх, то спуститься потом быстро не получится.

– Лезь, – твердил Чунг. – Я на другое лезу. Будем сверху стрелять.

Сверху так сверху. Любил я сверху. Вот только если нас окружат, тогда триндец будет. В лоб еще можно отбиться, где-то за стволом спрятаться, а если за спину зайдут и окружат, задницы будут наши как на ладони.

Но в этом я немного ошибся. Чунг первым вскарабкался на дерево, что росло сбоку от тропы, и занял позицию. Я, как ни старался его разглядеть с земли, так и не смог. Интересное деревце. Хитро ветки расположены, будто специально, чтобы в прятки играть.

Разгрузка с магазинами и гранатами тянула вниз. «Эмка», что болталась за спиной, все время норовила зацепиться стволом за ветки. Если Чунг взлетел вверх, как мартышка на пальму, то я со своим неакробатическим весом (за сотку кг) напоминал скорее матерую гориллу, которой зачем-то вздумалось взгромоздиться на дерево. Помните, как в фильме Кинг-Конг лез на «Эмпайр Стейт Билдинг»? Один в один я. Два раза чуть не сорвался, ободрал руку, минут десять пыhtений и мучений, и наконец я наверху. Расположился поудобнее, выбрав для

этого широченный сук, подходящий для моей задницы. Раздвинул ветки, прицепив их прутиками, чтобы не закрывали обзор. Огляделся.

Тропа как на ладони. Неплохая позиция для «кукушки»³. Можно перевести дух. Я снял разгрузку и повесил ее рядом. Патроны будут под рукой и мне проще, если что, вокруг ствола ерзать. Без разбухшего от боеприпасов жилета почувствовал вдруг себя стройняшкой. За этот день привык я к жилету, как мужик к мамону. Сроднился.

Отпил из фляжки воды. Жидкости осталось совсем мало. Надо будет потом позаботиться о запасе. Если выживем...

Кругом подтопления и болотца, от которых пахнет вонючей спортзальной раздевалкой. Уверен, что водица из местных ручейков не совсем пригодна для питья. Может, для местных и нормально, но мой организм точно такое не вывезет. Я дома даже из-под крана не пил. Как-то надо привыкать к новым условиям. Чай, не принцесса на горошине.

Впереди вдалеке зашевелились кусты. Я насторожился. Достал гранаты, разогнул усики. По тропе явно кто-то продирается. Макушки травянистых веников покачивались. Черт! Надо как-то предупредить Чунга. Но кричать нельзя. Махнуть рукой тоже не могу. Не могу его разглядеть. Где он там притаился? Вроде только что сидел на соседнем дереве, а теперь нету. Может, повыше забрался? Хрен с ним. Надеюсь, он тоже увидел гостей.

Кусты раздвинулись и на проплешины выдвинулась вереница солдат в американской форме. В такой же, как на мне сейчас. Только они в касках. Стальные шлемы обтянуты зеленой тканью. В руках «эмки», за спиной рюкзаки, на поясе гранаты. Гранаты вам не помогут. Бесплезны они против «кукушек». А вот нам – очень даже!

Я взял на прицел вереницу и стал считать. Раз... Два, три, четыре, пять, шесть... Млять! Да сколько же вас?! И это только передовой дозор небось. По спине пробежал неприятный холодок. Умирать звездеч как не хочется. Тем более сидя на «пальме». Глупая какая-то смерть получится. Не так я себе свою смерть представлял. Если честно, я себе ее вообще не представлял. Пока молодой да здоровый – с костлявой на «ты». А тут она в любой момент за жопу может взять. И самое обидное, что никто о моей смерти не узнает. А если бы и узнали, то не слишком бы горевали. Шеф бы точно расстроился. Факт. И то лишь потому, что некому больше будет в три смены пахать и молодых натаскивать. А друзей, таких, чтобы с детства, у меня особо никогда не было. Как из детдома «выпустился», растерял всех друзей-однокашников. А новых как-то не завел. Окружающие говорят, что характер у меня не сахар. А мне вообще по хрен. Мне с ними не жить и детей не крестить...

Вереница приблизилась. Появился и основной отряд. Еще, сука, двадцать человек. А, нет, двадцать два.

Палец на спусковом крючке чуть подрагивал. Хотелось вмазать очередью. Но рано. Не все еще из зарослей повыползали. Подождать немного надо. Вот только если они врассыпную рванут, плохо будет. Как-то Чунг это совсем не предусмотрел. С тропы в сторону юркнут и скроются в океане зелени. Бляха... Что-то мне план вьетнамца нравится все меньше.

Но я опять ошибся насчет азиата. Того, что произошло в следующую секунду, не ожидал ни я, ни пехотинцы.

Тра-та-та! – по ногам американцев стегнула очередь. Судя по звуку, автомат строчил прямо из кустов перед ними. Что за черт? Что за смертник там окопался?

³ «Кукушка» – сленговое название финских военнослужащих – снайперов и автоматчиков, во время советско-финской войны 1939–1940 гг., возможно, использовавших замаскированные позиции на деревьях. Термин «кукушка» неоднократно встречается в книге «Бои в Финляндии. Воспоминания участников», изданной в СССР в 1941 году, в которой «кукушку» чаще всего описывали именно как снайпера, ведущего стрельбу с дерева. Упоминания о финских снайперах-«кукушках» достаточно часто встречаются в мемуарах и воспоминаниях участников финской войны с советской стороны, а также в советской печати. О них упоминают, в частности генерал Е. Ф. Ивановский (во время финской войны бывший лейтенантом, командиром танка), маршал К. А. Мерцков (во время финской войны – командарм 2-го ранга, командующий 7-й армией), маршал Н. Н. Воронов.

Пехота попадала и вжалась в землю. Открыли ответный огонь по кустам. Кто бы там ни был, ему точно не выжить. И позицию выбрал странную – ни ямки, ни толстого дерева, чтобы укрыться. Все эти мысли пронеслись в голове за пару секунд. В следующий миг я нажал на спуск.

Бил прицельно короткими в лежащие как на ладони зеленые тушки. Никто из пиндосов даже не понял, откуда по ним палят. Они увлеченно махрили градом пуль бедный куст с неизвестным мне союзником. Где-то рядом застрекотала винтовка Чунга. Потом полетели гранаты. Я тоже метнул парочку. В адрес самых дальних. Не дурак под собой кидать.

Только сейчас до меня дошло, что в кустах никого нет и не было. Хитрый вьетнамец один автомат пристроил под самострел. Установил струнку и завязал ее на спусковой крючок.

Рванули взрывы, осколками и волной посекло заросли. Раздались крики боли. Были тут и «sunt», и «fuck», и, разумеется, «motherfucker».

Ай да Чунг, ай да сукин сын. Хитро! Пока оставшиеся в живых пехотинцы по кусту шмаляли, я отстреливал их сверху, как рябчиков на току. Вспорол пулями уже двоих и брал на мушку третьего, пытающегося уползти в кусты. Разматывая кишки, он тащил за собой винтарь. Силен! Уважил его выстрелом в голову. Нескольких завалил Чунг. Я видел, как они расслабленно улеглись в траве и больше не шевелились.

Стрельба затихала, кто-то продолжал протяжно кричать. Мамку звал. А тебя сюда кто звал? Мамке придет похоронка – повесит ее на стенку.

Только я об этом подумал, как где-то сбоку внизу застрочила винтовка. Стрелок зашел в тыл оставшимся американцам и выплеснул на них весь магазин.

Это, млять, как? Каким хреном Чунг умудрился спуститься с дерева, успел обойти пехоту и лупануть по ним сзади? Красавец! Прямо узкоглазый Рэмбо.

Между тем выстрелы окончательно стихли. План Чунга дал свои плоды. Похоже, что он положил остатки пехоты. Злость во мне подутихла (победителей не судят), и я стал осторожно, хоронясь за стволом, спускаться вниз... Там, откуда только что стреляли, шевелились кусты. Бах! Бах! Слышны одиночные выстрелы. Но ветки возле меня не щелкают. Стреляли явно не по мне. Я раздвинул листья и пригляделся. Внизу бродил Чунг и добивал раненых. Фу-ух!.. Выжили...

Глава 4

– Кто! Ты! Такой?! – М-да, возбудился Ваня. Только с чего вдруг? То чудной, то – кто такой...

Когда после «контроля» я вернулся к Ивану, тот уже лупал глазами и вертел в руках... мою, сука, майку. Которую я сбросил в пещере, а кто-то, не будем тыкать пальцем, прихотничил ее. И даже добрался до бирки с годом производства.

– Как мы повоевали, тебе неинтересно?

– И так ясно, что победили. Иначе пришел бы совсем не ты. – Иван присмотрелся ко мне. – У тебя кровь на щеке.

Я провел рукой по лицу, ладонь окрасилась красным. Зацепили все-таки. Скорее всего, осколком гранаты. Как ни хоронился за стволом, все одно прилетело. Я достал американскую аптечку, покопался в ней. Нашел пластырь. Потом из трофейной фляжки промыл разрез, залепил его.

– Где Чунг?

– Шмонает убитых.

– Я повторяю свой вопрос. Что это за хрень?! – Майка отправилась мне в лицо.

Я ловко ее поймал. Притопил в луже.

– До тебя, кажется, начинает доходить, правда?

Иван поиграл желваками, попытался сесть поудобнее. Судя по лицу, его здорово так прострелило от боли. Я еще покопался в аптечке, нашел таблетки «Биноктала». Глянул описание.

– Походу, это морфин. Дать тебе?

– Не надо. – «Рязань» тяжело вздохнул. – Потом хрен слезешь с них. Давай, колись.

– Ну ты же и сам все понял, не? Читал в школе Марка Твена? Янки при дворе короля Артура?

– Читал... Так из какого ты года?

– Две тысячи двадцать второго.

– И кто ты там? Ученый? В будущем создали машину времени?

– Даже близко нет. Сам не знаю, как все это случилось. Ехал в метро, объявили ядерную тревогу, туннель трянуло – и вот я стою в какой-то подземной норе.

– Вот же... – Иван опять выругался. Длинно и с фантазией. – У вас там дошло до ядерной войны? С кем?

– Сам как думаешь?

Рязань мрачно посмотрел на мою американскую форму.

– Ага, они самые.

– Ладно, тезка, допустим, я тебе верю. А ты сам кто там? Ну, в будущем. С автоматом обращаешься ловко.

– Воевал во вторую чеченскую, потом служил в ОМОНе. – Я достал из подсумка патроны, начал набивать пустые магазины.

– Вы там что, с чеченцами начали войну? Да еще по второму разу? А что за ОМОН?

– Слушай, а ты сам про себя ничего не хочешь рассказать?

Меня подзатрахал этот допрос, я достал планшетку Дамбо, кинул ее на колени Ивану. Тот неловко, одной рукой достал из нее документы, карты. Быстро просмотрел. Потом недобро так на меня зыркнул, задумался.

– Я полковник Главного разведывательного управления Минобороны СССР Иван Гурьев. Возглавляю специальный отряд трофейщиков⁴. Точнее, возглавлял.

⁴ В октябре 1965 года по линии ГРУ ГШ ВС СССР во Вьетнам была направлена первая комплексная военно-научная

– Почему в прошедшем времени?

– Потому что вчера вечером в юго-западном тоннеле «железного треугольника» мы попали в засаду «зеленых беретов». Трое моих подчиненных погибли. Еще один пропал без вести.

– А тебя взяли в плен. Кстати, как?

Иван тяжело вздохнул.

– Граната рядом взорвалась, оглушило. Очнулся уже в пещере. Вместе с сопровождавшими нас вьетконговскими товарищами. Они пропали чуть ранее.

– Ладно, про задачу вашу не спрашиваю, – кивнул я на стопку документов. – И так все ясно. Трофеев вы не нашли.

– Просто не дошли до захоронки. Так что такое ОМОН? И откуда ты так хорошо знаешь английский?

Глядя, как Чунг складывает на поляне рядом с нами пулемет М60, потом ленты к нему, я негромко начал вещать Ивану про специальные подразделения России, про свою подготовку на «голубую каску». И про поездку за границу с миротворческой миссией, которая так и не сложилась, но я добросовестно отучился год на курсах, а потом увлекся и добавил еще год.

– Какой такой России?! – вычленил главное полковник. – А СССР?!

– Ты, это, Вань... отдыхай. Я вон, пойду Чунгу помогу, – новость о развале СССР вполне могла добить полковника. Пора было валить.

группа (также именовались «трофейщиками»), в составе пяти человек – гражданских специалистов оборонной промышленности под руководством офицера Главного разведывательного управления, занимавшихся предварительным изучением трофейной американской военной техники и боеприпасов, обезвреживанием неразорвавшихся боеприпасов, отбором образцов трофейной техники и боеприпасов и их отправкой в Союз. Группа комплектовалась офицерами запаса – специалистами высшей категории по авиационной технике, вооружению, боеприпасам и т. д. Оформление их командировки и отправка во Вьетнам (ДРВ) производилась также 10-м ГУ ГШ. В практической работе группа подчинялась ГРУ ГШ, возглавлялась его офицерами и координировала свою деятельность с руководством Группы советских военных специалистов, также командировавшихся в ДРВ по линии 10-го ГУ ГШ. Как сообщил полковник Г. И. Сергеев, служивший во Вьетнаме с марта 1968 года и руководивший данной группой в 1969–1970 годах, группа была сформирована из крупных советских военных специалистов – профессионалов в таких областях, как конструкции и двигатели самолетов, бомбовое и ракетное вооружение, радиоэлектронное и навигационное оборудование и связь. Между собой сотрудники советского дипкорпуса называли этих специалистов «охотниками за трофеями». В задачи группы входило:– изучение американской военной техники и оружия на предмет возможности усовершенствования и разработки соответствующих отечественных образцов;– анализ способов боевого применения американцами вооружения и методов ведения боевых действий в условиях Вьетнама;– выработка рекомендаций Вьетнамской Народной Армии по противодействию противнику. Решение группой указанных задач проводилось в условиях активных боевых действий тактической и авианосной авиации США, позже – стратегической авиации. Так, например, в период с 19 ноября 1967 года по март 1968 года в районе г. Ханоя группа выполняла работу при интенсивном воздействии американской авиации, совершившей около 200 бомбардировок, из них более 60 – массированных. В районе г. Винь (4-я военная зона или зона 17-й параллели, по которой проходила демаркационная линия, разделяющая территорию Северного и Южного Вьетнама), где группой также выполнялись боевые задачи, ежедневно происходили бомбардировки, авиационное минирование местности, артиллерийские обстрелы территории ДРВ с кораблей 7-го флота США, базировавшихся в Тонкинском заливе. Основная часть образцов трофейного иностранного вооружения добывалась группой со сбитых самолетов, вертолетов, беспилотных самолетов-разведчиков, а также с других, вышедших из строя зарубежных образцов вооружения и боеприпасов. Некоторые образцы группа получала от вьетнамской стороны (Инженерное управление ГШ ВНА). Однако следует сказать, что, несмотря на взятые обязательства, вьетнамские власти весьма неохотно допускали советских военных специалистов к трофейным образцам американской военной техники. Деятельность «трофейщиков» была связана с большим риском для жизни, как в ходе авианалетов, передвижений в заминированных районах, так и при работе с неразорвавшимися боеприпасами. За период действий группы в Советский Союз было отправлено значительное количество информационных материалов, трофейных образцов американской авиационной техники, авиационных боеприпасов, радиоэлектронной аппаратуры и др., которые представляли значительный интерес для различных учреждений Министерства обороны СССР и соответствующих отраслей оборонной промышленности.

* * *

Болота позади, но идти легче не стало. Трофеев значительно прибавилось. Затарились запасными рожками, гранатами, да и громоздкий ручной пулемет весил килограмм десять, не меньше.

Чунг одну винтовку бросил (их теперь вокруг валялось столько, что можно взвод вооружить), вместо нее на плечо повесил тяжелый М60. За спину закинул рюкзак с боеприпасами. В руках держал «эмку». Нагрузился, как ишак. Как он еще ноги передвигал? Но ему всяко проще, чем мне. Рюкзак мой, конечно, полегче, и из оружия только винтовка с «кольцом», но из рабства волокуши меня никто не освобождал.

Иван пришел в себя и больше не отрубался. Я спиной ощущал, в каком напряжении находится ГРУшник. Вот поганец, я его из такой задницы вытаскиваю, а он смотрит на меня как на прокаженного.

Ну естественно... Полковник разведки по рангу ко всем с подозрением относиться должен. Интересно... Поверил он мне или нет? Или думает, майку на заказ сделали? Для внедрения, так сказать.

Только он мужик грамотный, раз до полковника дослужился, и невзгоды службы в висках белизной уже отпечатались. Должен понимать, что если это легенда, то самая наихреновейшая в мире. В такую никто не поверит. И он, наверное, не поверил. А пофиг! Пусть не верит, лишь бы доверял. Это важнее. Пока я ему нужен (тягловый ослик из меня отменный), пулю в спину не всадит. А дальше будем посмотреть...

Низины остались позади, и земля стала заметно суше. Даже джунгли поредели. Твердь под ногами придала сил, которых и так почти не осталось. Одно радовало, скоро ночь. А в это время суток пехота за нами не сунется. В тропиках ночи темные, как в заднице у некоторых американцев с приставкой «афро». Искать нас в темноте точно никто не будет.

Я попытался напрячь мозг и что-то вспомнить насчет Вьетнамской войны. Американцы тут сидят по своим базам, действовать пытаются больше с воздуха. Чему противодействуют советские зенитчики. В статусе военных советников. Что еще? Ну, напалм, позорная эвакуация. Впрочем, кажется, американцы тут проиграли не столько из-за вьетконговцев, которые, конечно, бились отважно, но особыми победами похвастать не могут, сколько из-за того, что американское общество банально не хотело тянуть на себе все тяготы войны.

Иногда мы останавливались и сверялись с картой. Чунг хоть и местный, но каждую тропку в лесу не запомнишь. Я вертел трофейный компас – вроде правильно идем. Где-то впереди должна быть крестьянская деревушка Бесанг. Надеюсь, там не окопались зеленые береты. Судя по карте, поселение небольшое и ничем не примечательное. Местные, скорее всего, бананы выращивают или рис. Хотя для риса местность неподходящая – слишком сухо.

Тропинка расширилась и превратилась в проселок. Деревья неожиданно отступили, и мы очутились в живописной долине. Солнце клонилось к закату, готовясь завалиться за макушки пальм. В воздухе висела ложная безмятежность и чуждый запах дыма.

– Тезка! – окликнул меня Иван.

Чунга рядом не было. Он опять оторвался немного вперед, решил прошерстить обстановку, узнать, как там его сородичи в деревне. Не «приютили» ли кого из джи-ай.

Я остановился и положил «оглобли» на землю, повернулся к раненому. Голова его наполнила гипсовый бюст, белая и глаза стеклянные.

– Ты чуешь? – прохрипел полковник и закашлялся. – Дымом пахнет?

– Тихо слишком для деревни, – добавил я. – Даже собачонка не тявкнет.

– Плохо дело. – Иван поморщился, то ли от боли, то ли от дурных предчувствий. – Давай в обход. Не стоит через поселение идти. Что-то там не так.

Кровавый закат окропил багрянцем зеленый океан бескрайних джунглей, что сливался с ним на горизонте. Тишина и правда стояла мертвая. Даже цикады перестали трещать, будто опасались чего-то.

– В обход крюк получится, – задумчиво проговорил я, разглядывая измятую карту. – Времени до хрена потеряем. Чунг пошел на разведку. Подождем...

Набежавший ветерок донес мерзкий запах. Я сразу узнал его. Так пахнет война... Сука, будь она неладна. Много лет я пытался забыть эту вонь и вот, теперь запах мертвечины снова рядом. Не хочет меня отпускать война...

Чунг вернулся часа через пол. Его лицо напоминало посеревший камень. Безжизненное и без эмоций. Что он такого там увидел? Вьетнамец коротко бросил:

– Идти можно. Деревня пустая.

Мы с полковником с облегчением выдохнули. Хоть одна хорошая новость на сегодня. Но насчет хорошей я жестоко ошибся...

Мы спустились к поселению. Обгорелые остовы хижин торчали как надгробия. По спине пробежал холодок. Вошли в деревеньку... Кругом вповалку лежали трупы местных. В основном дети и женщины. Прямо посреди дороги, свернувшись, лежала женщина, обнимавшая двоих детей. Один совсем младенец. Она накрыла их своим телом, но пуля пробила разом ее голову и голову малыша, что уцепился за ее шею.

Мерзкий комок подкатил к горлу. Млять! Чего я только ни повидал в своей жизни. Думал ко всему готов. Но к такому...

Из убитых ни одного в военной форме, ни у кого нет даже сраного пистолета или хотя бы вил в качестве оружия. Трупы крестьян усеяли поле бойни. В телах копошились мерзкие черные птицы с уродливыми клювами. Они смотрели на нас немигающим взглядом и не торопились улетать. Лишь лениво отбегали в сторону, пропуская нас дальше.

Шли молча. Ненависть, ярость, боль... Скрипя зубами, я давил этот рвущийся остервенелый ком эмоций внутри себя. Знал, что война – грязь. Но такой грязи не встречал... Готов был волком выть и заживо перегрызть горло тому, кто это сделал. Но ярость сменилась бессилием. Я молча шел вперед и старался не смотреть по сторонам.

Точившая меня с самого начала, как я сюда попал, мысль «А моя ли эта война?», сейчас совсем притупилась и растворилась в злости и негодовании.

Какого черта убивать мирных? Устрашение? Устранение поддержки для партизан? Скорее, все гораздо банальнее и страшнее. Пехота отрапортовала о количестве убитых. А враг это или нет, никто не разбирается – сопутствующий ущерб. В зачет идет труп. Много трупов – значит, герои, млять! И насрать, что это трупы детей. С-сука... Как их здесь много. Слишком много.

– Твари... – прошипел Иван. – Это не солдаты. И даже не звери...

Из деревни вышли, когда солнце почти завалилось за горизонт. Наконец я смог вдохнуть полной грудью. Сплевывал, пытаясь избавиться от въевшегося мерзкого запаха смерти. Снова углубились в лес.

Неожиданно Чунг отшвырнул пулемет и юркнул в заросли с винтовкой наперевес. Я положил волокошу и снял с плеча «эмку». Сбоку зашевелились кусты. Там, куда умчался вьетнамец, кто-то шнырял.

Черт! Я пригнулся и стал заходить сбоку, чтобы прикрыть узкоглазого. Но не успел.

Раздались крики. Визг. Я рванул вперед, готовый стегнуть очередь, но выстрелов не последовало. Лишь невнятное лопотание Чунга нарушало тишину. Он что-то тараторил на своем, нервно покрикивая, и ему вторил нервный женский голос. Там кто-то был.

Я забурился в заросли и увидел такую картину: Чунг махал стволом винтовки перед двумя вжавшимися в землю фигурками.

Какого хрена? Это явно не враги. Девушка и старуха стояли на коленях, а вьетнамец что-то с пристрастием у них выяснял. Старуха молчала с каменным лицом. Молоденькая девушка плакала и с жаром объясняла и жестикулировала, вытянув руки вперед и прикрывая от ствола старуху.

– Что здесь происходит? – Я подошел вплотную, сжимая в руках винтовку.

Увидев белого человека в американской форме, девушка застыла с полуоткрытым ртом, вытаращившись на меня, как на привидение. Испещренное морщинами лицо старухи перекопилось, будто от разряда током. В ее впалых глазах блеснул огонь ненависти. Тонкие губы изогнулись и шептали проклятия.

Чунг убрал винтовку и замотал головой, тыча в меня пальцем. Что-то пытался доказать выжившим. Те оторопели от ужаса и не сводили с меня глаз. Я понял, в чем дело. Бедняги приняли меня за палача.

– Я русский, русский, – бил себя в грудь. – СССР! Брежнев! Не американец! Русский я... Хинди руси бхай бхай!

– Это индийский, – невозмутимо поправил меня Чунг.

Вот же... Опозорился. Но моя ошибка странным образом подействовала. Молодая вьетнамка немного успокоилась. Бабка перестала на меня шипеть. Девушка что-то ей объясняла. Вроде поняла.

Фу-ух... От одной мысли, что меня приняли за убийцу детей, меня коробило. Всегда считал, что пофиг, что думают обо мне другие. Ан нет. Ошибался... Разные ситуации бывают.

Чунг попытался помочь подняться с колен бабуле. Но та не по годам резво вскочила на ноги. Косилась на меня и шурилась.

Девушка боязливо ко мне приблизилась:

– Ты русский?

– Да, да, – закивал я. – Это не моя одежда. Маскарад, мать вашу!

Кажется, поверила. Чунг опять стал им что-то объяснять на своем. Девушка и старуха в ответ молча кивали. Вьетнамец махнул рукой и направился в сторону тропы. Местные поплелись за ним.

Я подошел к Чунгу и шепнул:

– Какого хрена ты наставил на них ствол? Они и так запуганы.

– Не все мирные – свои, – загадочно ответил Чунг. – Надо было выяснить. Когда деревню казнили, они были в лесу. Прятались два дня в зарослях, теперь вернулись проверить. В живых никого не застали. На нас напоролись.

Мы вышли к тропе. Иван, опершись на локоть, с удивлением уставился на нашу процессию. Девушка и старуха, увидев раненого в советском камуфляже, совсем успокоились. Бабка больше не тарасила на меня свои змеиные глаза. А девушка украдкой бросала в мою сторону любопытные взгляды. Только сейчас я ее разглядел. Простенькое платьишко почти до пят скрывало точеную ладную фигурку. Личико без единой морщинки напоминало детскую рожицу, но внимательные пытливые глаза говорили о том, что это давно уже не ребенок. Сколько ей? Двадцать? Тридцать? Хрен разберешь. Такие до старости как студентки.

Я подошел к Ивану, присел рядом на корточки:

– Что будем с ними делать, полковник? Местные из выживших. Гранат вроде за пазухой нет. И деревню знают – значит, правда оттуда. Чунг их потряс слегка. Непохоже на засланцев.

Иван поморщился:

– Только обузы нам не хватало. Ладно. Пусть пока с нами побудут, а завтра поглядим. Ночь почти, надо устраиваться.

Девушка что-то обсуждала с Чунгом на своем, бабуся шарилась по кустам – только ветки трещали. На хрена она туда забурилась, кошелка старая?

– Слушай, что эта бабка делает? – кивнул в ее сторону полковник. – Травки собирает, что ль?

– Ведьма она, командир, – ухмыльнулся я. – Ща будет зелье с жабами варить и добрых молодцев угощать. Но ведьма не черт, если что – справимся. Коли не проклянет. Смотреть за ней буду.

– Смотри, – усмехнулся в ответ разведка. – Только нет здесь добрых молодцев. Повывелись. Злые остались. Очень злые.

* * *

Глухая ночь растеклась чернотой по джунглям. Где-то ухала птица. Убаюкивающе шелестела листва. Небольшой костерок жадно лизал сухие веточки. Много его не кормили, чтобы дыма не было и отблески не засекли. Держали пламя хиленьким, на голодном пайке. В небольшой ямке. Так, лишь бы света чуть добыть, да еду подогреть. Заряд трофейных фонариков тоже сэкономили.

Я распотрошил упаковки с сухпаем. Лишь сейчас до меня дошло, как дико хочу жрать. Слона бы съел. Может, не всего, но ногу бы отгрыз точно. Ну или прямо бегущего бы завалил и хобот отломал. В детстве читал, что хобот у слона – самое вкусное.

«Суповой набор» состоял из прямоугольной картонной коробки, внутри которой были компактно впрессованы жестяные плоские банки. Вскрывались по принципу пивной. На крышках маркировка: М-1, М-3, В-1, В-2, D-2. Хрен поймешь, что это значит. Сейчас посмотрим.

Вскрыл одну, понюхал коричневую субстанцию. Что-то мясное. Гуд. В другой оказался хлеб. Консервированный, мать твою, хлеб! В следующей обнаружили крекеры и конфеты. Да ну на! Серьезно?! Конфеты на войне? Обожаю конфеты! Даже пластиковая ложка, запаянная в прозрачную пленку, прилагалась.

Таких наборов у нас оказалось немного, учитывая, что ртов теперь прибавилось. Каждому выдал по одному.

Чунг слупил свою порцию махом. Старуха поковырялась и отодвинула в сторону. Что-то сказала проводнику. Тот, заулыбался, закивал и доел ее пайку. Иван пожевал лишь тушенку. И то не все съел. Это оказался не поросенок, а индейка. Любимая птица янки.

Познакомились. Девушку звали Лиен, а ее бабуку (бабку в прямом смысле кровного родства) Нгуен. Хрен выговоришь. Для такой карги как раз самое подходящее имя. Как говорится, по бабке и шапка.

Тыкая пальцем в сторону полковника, «ведьма» что-то безостановочно бухтела. Брызгала слюной и шамкала беззубым ртом. Что ей надо? Порчу, что ли, наводит? Жрачка ей не нравится, теперь на командира переключилась?

Иван был не против, когда я называл его командиром. Не то чтобы мне нравилось подчиняться, и не в высоком звании дело (хотя у меня пониже ранг, с ОМОНа я дембельнулся капитаном). Просто так он мне стал больше доверять.

Чужак из будущего признал его командиром. Это дорогого стоит. Для него... А мне не сложно. Когда погоны носил (хоть и «жали» они мне, сука, иногда до жути), привык к уставным порядкам. «Есть», «так точно», «разрешите идти на...».

Бабка не унималась и что-то доказывала Чунгу. Я уже хотел вмешаться, но Лиен, будто прочитав мои мысли, быстро что-то заговорила, тоже указывая пальцем на полковника. Чунга переводил.

– Она говорит, очень плохая рана. Нужно лечить.

А-а-а. Так бабуля не клянет нас, а желает оказать посильную медицинскую помощь. Вот только на «неотложку» она совсем непохожа. А на хирурга тем более...

– Что скажешь, Ваня? – повернулся я к полковнику. – Доверимся шаманской медицине? Но Ваня опять ушел в отруб. Черт. Если так дело дальше пойдет, боюсь, до свадьбы не доживет. Мы с Чунгом солдаты, и руки у нас под лекарей не заточены. Единственной санитаркой среди нас, судя по всему, оказалась вьетнамская баба Яга, настойчиво рвущаяся осмотреть больного. Что ж, другого выхода нет. Выбор невелик: либо бабка его добьет, либо сам загнется. Держись, Ваня. И прости, если что...

– Давай, – кивнул я Лиен. – Пусть попробует. Она точно умеет?

За девушку ответил Чунг:

– Говорит, роды в деревне принимала.

– Отлично, – всплеснул руками я. – Жаль только, что командир рожать не собирается... Ладно. Пусть пробует. Но я отвернусь. Не могу смотреть, как над человеком «колдуют».

Отсев на другую сторону от костра, краем глаза поглядывал за действием. Не сдержался. Старуха вскипятила воду в железной кружке, что-то туда растерла. Опять вскипятила. Снова нахреначила полкружки корешков, предварительно вытащив старую «заварку». Движения ее были точны, без суеты и тремора. Будто всю жизнь в лесах красных командиров лечила.

После всех манипуляций получилось две кружки коричневой жидкости. Одна из них была тягучая, как деготь. Вторая пожиже, но на вид не менее мерзкая и вонючая до ужаса.

Чунг размотал бинты на полковнике. Старуха промыла отваром рану. Насовала под свежий кусок марли пожатую кашу. Приложила сверху каким-то листом и кивнула Чунгу. Тот мастерски перевязал рану бинтом из новой стерильной упаковки.

На этом бабка не успокоилась. Зажгла лучины из пахнущей почему-то скипидаром палочки, поводила перед неподвижным лицом полковника. Попускала на его нос кольца дыма, что-то побормотала, приподняла ему голову. Иван очнулся и пока соображал, что происходит, Нгуен влила ему в рот отвар из железной кружки. Полковник морщился и фыркал, но выпил до дна.

– Мда... Спробуй заячий помет, он ядреный, он проймет, – всплыло вдруг в памяти. Точно Яга.

После подбросили в костер хвороста и легли спать на ворохе заранее собранных разлапистых листьев. Первым дежурить вызвался Чунг. Ну и хорошо. От усталости я готов был вырубиться даже стоя. Денек выдался долгий и насыщенный.

Не каждый день такое. Попал в прошлое, убил несколько америкосов, устроил засаду, снова покрошил америкосов – так, блин, и во вкус войти можно! Спас советского полкана, подобрал беженцев. Теперь можно и отдохнуть. Только прилег на подстилку из листьев, как сразу провалился в небытие...

Глава 5

На следующий день утром я проснулся с надеждой, что мне все приснилось. Ведь бывают вот такие реалистичные сны, что прям все в подробностях?

Хрен там. Стоило только открыть глаза, увидел разглядывающую меня Лиен. Винтовку она держала твердо, на дежурстве не спала. Молодец!

– Чао чи, – поздоровался я с девушкой. Если что и вынес из прошлого дня, так это «привет» по-вьетнамски. К моему удивлению, Ваня выглядел значительно лучше. Порозовел, глазами лупал вполне бодро.

– А где ведьма и Чунг? – поинтересовался я, потягиваясь.

– Ле пошел разведать дорогу к реке, Нгуен за кореньями пошла. Сказала, что сделает отвар для меня.

– Ты понимаешь по-вьетнамски?

– Нахвтался.

Под заинтересованным взглядом Лиен я прошел к ручейку, что бежал невдалеке, разделся. Целиком залез в воду. Начал намыливаться мылом, что нашел в запасах американцев. Ух, как хорошо... Еще бы с обувкой решить вопрос. Армейские ботинки Дамбо мне вполне подошли. А вот носки... За время путешествия они превратились в склизкие комки. Эх, сюда бы портяночки. Перемотал, и отлично. На войне первое дело – соблюдать чистоту и следить за ногами. Собьешь – все, не боец.

Лиен, поправляя волосы, начала что-то лопотать по-своему.

– Говорит, осторожнее, – перевел Иван. – Тут какие-то черви водятся, которые... ну, короче, в задницу могут забраться.

– Да ладно?! – Я мигом выскочил из воды, подозрительно посмотрел на ручеек. Безобидный такой.

– Ты бы не тряс мудями перед девушкой, – укорил меня Иван, – вон как покраснела.

Лицо Лиен и правда озарил бодрый такой румянец. Я присмотрелся к ней. Хоть и миниатюрная, на голову ниже меня, а все формы на месте – грудь трешка, талия, ну и сзади тоже под платьем все было на высшем уровне. Я почувствовал, что пора побыстрее одеться обратно. Но стоило мне повернуться другим боком, как Иван ахнул. А вслед за ним и Лиен.

– Ага, вот теперь точно верю. – Полковник и девушка разглядывали мое левое плечо.

На нем была старая татуха, еще времен армейской учебки. Робот-терминатор с красными горящими глазами стрелял в мишень. А в ней была вписана группа крови и резус фактор.

Лиен что-то начала лепетать, тыча пальцем, я быстро накинул куртку, закатал рукава.

– Ваня, кто это?! – Полковник даже сел на своей лежанке.

– Да так... Робот-убийца. Из одного фильма. По кличке Терминатор.

Мне вспомнился анекдот, как Терминатор попадает в Россию в минус сорок. И последние слова, которые он слышит: «Мля, да тут цветнины килограмм на сорок будет!».

Хотел рассказать его полковнику, но резко осознал – нет, не поймет. Не могут сейчас советские граждане побираться цветными металлами. Они строят коммунизм.

Пока накручивал на себя ремни и разгрузку, пришла ведьма. Принесла она не только лекарства, которое представляло собой какую-то пережеванную зеленую кашницу, но и фруктов. Манго и авокадо я знал, с удовольствием начал их есть. Третий деликатес был со странным отвратительным запахом.

– Это дуриан, – пояснил мне полковник. – Ешь, он вкусный.

– Сильно сомневаюсь. – Я посмотрел на Лиен, которая с удовольствием уплетала этот фрукт.

Пока завтракали, Иван умело расспросил девушку о местной жизни. Она была не айс – постоянные бомбежки американцев, зачистки деревень. Джи-ай и войска южного Вьетнама гонялись за партизанами, ставили мины, поливали джунгли какой-то химией и напалмом.

Лиен оказалась сельской учительницей. Преподавала все – и вьетнамский язык, и математику, и что-то типа природоведения. И швец, и жнец, и на дуде игрец.

Пока бабка после завтрака лечила полковника, я занялся чисткой оружия. Нашел в вещмешке ветошь, масленку, вытащил шомпол. Долго вникал, как разбирать М16. Помог вернувшийся Чунг.

С его помощью удалось привести «эмку» в божеский вид. Нагара и копоти было столько, будто войну прошел. Такая хрень вкупе с постоянной влажностью очень опасна – ствол в любой момент отказать может, причем в самый неподходящий. Чистый и смазанный выдюжит долго и жизнь сохранит.

Позавтракали сухпаем. А ничего так консервы, начинаю привыкать. В этот раз вместо индейки попался кролик. Джи-ай гурманы, однако. На такой жрачке жить можно. Жаль, что трофейной еды осталось немного... Раза на два еще хватит, а там тараканов придется ловить. Или улиток. Не знаю, кто тут у них вкуснее, мать их.

Старуха снова вскипятила воду и колдовала со снадобьями. Переливала отвары, что-то смешивала. Краем глаза я увидел, как она сплюнул в кружку зеленоватую пережеванную кашу. Плечи мои передернулись. Бр-р-р...

Хорошо, что Иван этого не видит. А я промолчу. Похоже, что ее жеваная хрень работает получше антибиотиков и больничных капельниц. Натур продукт, хуле! Я, как никто другой, заинтересован, чтобы полковник оклемался скорее. Мозоли на моих ладонях и пальцах как у шахтера уже.

– Ну что, командир? – Я развернул карту перед Иваном и вытащил компас. Двусторонняя стрелочка дрожала, как школьница в темном переулке, никак не хотела показывать стороны света. – Маршрут прежний? Ты в местности лучше разбираешься. Давай командуй, куда движем. Только учитывай, что в тебе восемьдесят кило минимум, и тащить волокушу не слишком веселое занятие. Выбирай дорожку попрямее и не такую заросшую, как морда у Маркса.

– Девяносто, – улыбнулся Иван.

– Чего? – не понял я.

– С говном да с амуницией девяносто кэгэ будет. Я вот что подумал... Может, нам по реке двинуть? Лодку найдем – есть у меня идеи. Вот по этой.

Иван ткнул в карту, вглядываясь в сплетения притоков основной реки в этом районе с совершенно неоригинальным названием «Sai Gon».

К обсуждению примкнул Чунг, стал тыкать в карту тонким закопченным пальцем:

– По этой реке не получится. Реки на юг текут. В сторону врага. Если на север идти, то только по этому притоку можно попробовать. Там течения почти нет. И река мелкая. Если шестью отталкиваться, то можно пройти...

– Я за! – поспешил я высказать свое мнение, как-то мне не очень улыбалось таскать по джунглям волокушу.

На реке всяко веселее. Хоть с водными судами я не на «ты», но иногда ходил на рыбалку с коллегами на надувных ПВХшках с мотором. Даже рулить научился и задним ходом «парковаться» к берегу.

– Тогда маршрут меняем, – кивнул головой Иван и махнул рукой на северо-восток. – Выдвигаемся в ту сторону. Пять минут на сборы.

К нам подошла старуха и, что-то бормоча, настойчиво впихнула в зубы Ивану кружку с теплым отваром. Полковник подчинился и стал, морщась, глотать коричневую жижу. Судя по его перекошенной мине, на вкус она напоминала жеваный армейский сапог как минимум.

* * *

До реки добрались к полудню. Она оказалась не такой уж и маленькой, не как на карте. Довольно широкая (что характерно для равнин), метров двадцать, но, судя по всему, неглубокая. Вода желтовато-застарелого цвета. Видно, что почти не обновляется, течения нет. Это гуд.

С течением нам было бы совсем не по пути, а самого плюгавенького даже 9,9-кобыльного моторчика у нас нет. Для плота со спокойной водой и пятерка бы сгодилась. Хотя орет двухтактник погромче трактора. Лучше уж мы по-тихому погребем. Как рабы на галерах...

Дело оставалось за малым. Нужно построить плот. Конечно, делов-то. Я же каждый день раньше плоты строил, мать их... Одна надежда на Чунга. Надеюсь, он из семьи рыбака, а не землекопа.

Но Чунг все-таки оказался «землекопом». Нору выкопать, ловушки нахреначить, «капканы» соорудить – это он мастер. А с водой оказался на «вы». Мне даже показалось, что он и плавать-то не умеет. Как-то сторонился он речки.

Что ж... Придется строительство взять на себя. Проявить, так сказать, русскую смекалку. Таковую, про которую легенды ходят. Мне вспомнился один исторический факт, который как раз эту самую смекалку и характеризует. Дело было во время Северной войны. В 1714 году русская армия вышла в тыл шведскому корпусу. Командовал армией Голицын. Шведы незамедлительно атаковали, но были успешно отбиты. Русские рвались броситься вслед за шведами и добить их, воспользовавшись смятением в рядах противника, но Голицын их придержал. Дважды атаковали шведы наши войска, но только после третьей отраженной атаки Голицын отдал приказ на наступление. Оказывается, он выжидал, чтобы шведы, бегая туда-сюда, утрамбовали снег и облегчили тем самым наступление наших войск. Как говорится, на чужом горбу, да в рай... А на горбу врагов – сам Бог велел.

Дальше двинулись вдоль реки. Нужно было найти подходящее место для строительства плота. Через пару километров вышли к подходящей косе. На желтый песок нанесло топляка. Во время сильных дождей река, очевидно, превращалась в бурный поток и выбрасывала на косу деревья. Но сейчас топляк спокойно загорал на песочке. Превратился в довольно сухой и пригодный строительный материал.

Вот только поваленные стволы были слишком громоздкие и длинные. Топора или пилы у нас нет. Был в туннеле трофейный томагавк, но я не взял его. Лишний вес все-таки. Вот дурак! Не знал, что так об этом пожалею. Хрен знает, что теперь делать. Хоть зубами грызи.

Если ножом ковыряться, то до второго пришествия провозимся. Тут мне в голову пришла гениальная мысль. А что, если не пилить бревна, а пережигать? Судно ювелирной работы нам ни к чему, а костром «нарезать» сухие стволы бамбука трудов не составит. Ай да Ваня, ай да молодец!

Костер развели прямо на косе. Лиен ловко поднялась на высокую пальму – высматривать вертолеты и прочий американский летающий сброд. Будет нашим ВНОСом.

Ивана утащили подальше в тень, хоть он и пытался возмутиться, мол, не трогайте мою бренную тушку, хочу смотреть за процессом самолично. Но жар от огня вместе с солнцепеком – испытание не для раненых.

Чунг помогал таскать бревна, бабка собирали в чаще подходящие лианы, сплетали их в «корабельный фал». Делала она это быстро, натруженные руки так и мелькали.

Бревна нужной длины укладывали на косе, на «ролики», наиболее ровные и круглые в сечении стволы, чтобы потом на воду легче было спускать.

Поперек бревен с концов положили две бамбуковые прожилыны. Каждое бревнышко привязали к ним. Вроде получилось. Из тонкого сухого бамбука Чунг вырезал четыре шеста. Сомневаюсь, что ведьма грести будет, но один шест про запас не помешает.

С богом...

– И р-раз! И два! – Я командовал спуском плота, вгрызаясь в песок ногами и толкая махину к воде.

Чунг, Лиен и даже ведьма с усердием пытели рядом. Неуклюжее сооружение нехотя скатывалось в речку. Периодически приходилось останавливаться и подкладывать под плот освобождающиеся сзади него «ролики».

Десять минут мучений, и плот на воде. Ура! Аж настроение поднялось, виден свет в конце туннеля.

– А он точно выдержит? – Иван с опаской осматривал шедевральный продукт моего судостроения, когда мы с Чунгом потащили его на плот.

– Не знаю, – пропытел я. – Надеюсь... Водоизмещение и прочую хрень рассчитывать не обучен. Применил для создания плота самый проверенный и универсальный научный метод. Надеюсь, он сработает.

– Это какой такой метод? – удивился полковник.

– Самый, что ни на есть, русский. Метод тыка называется.

– Зшибись метод, – улыбнулся Иван. – Анекдот по этому поводу вспомнил: «Поручик, как вы среди прекрасного пола находите девственниц? – Элементарно! Методом тыка!»

Я хохотнул, а Чунг и Лиен лишь непонимающе хлопали глазами. Умом Россию не понять...

Погрузили нехитрый скарб, оружие и забрались на плот сами. Последним пришлось запрыгивать мне. Толкал конструкцию подальше от берега. Чунг как-то самоустранился от этой работы. Опасливо поглядывая на воду, забрался на плот, первым делом примастрячил на носу пулемет.

– Ты что, брат? – спросил я его, упершись шестом в илистое дно. – Плавать не умеешь?

– Умею, – нахмурился тот. – Но не люблю...

Странно... Что за фобия такая? Но ковырять дальше не стал. Может, травма детства или пытали его в воде?..

Мы с Чунгом встали по бокам и тыкали дно шестами. Лиен расположилась на «корме» и подруливала широкой лопастью топляка, похожего на весло, что посчастливилось найти на косе.

– Ну, вот! – Я вытер пот со лба, вечернее солнце до сих пор жарило. – Другое дело... И мошек меньше, хотя на воде пожарче будет.

Настроение приподнялось, тыкать шестом – не кули ворочать. Легче гораздо. Хотелось даже песню запеть: «вниз по Волге-реке».

Только не Волга это вовсе, и страна чужая. Занесло так занесло. Даже год не мой... Но вешать нос не собирался. Прорвемся. Не дурнее паровоза. Если уж в чеченскую выжил и девятые в детдоме провел, то что мне Вьетнамская война? Очередное приключение?

Вертел я эти приключения. Сюда я не просился... Как такое вообще возможно? Даже времени поразмыслить над этим не было. Шутка мироздания, мать его? Не просто же так сюда попал? Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно...

Жил себе спокойно, все как у всех: гастрит, на ужин пельмени, в выходные пиво. Все просто и понятно. А здесь? Не знаешь, что будет через час. А на завтрашний день вообще надежды нет. И планы на жизнь незамысловаты – просто не сдохнуть...

Джунгли чуть стиснули реку, русло сузилось, виляя, пробиралось под нависшими кронами. Иногда ветки задевали головы и плечи. Приходилось пригибаться. С моим ростом Гулливера приходилось особенно несладко. Компактный Чунг и тут меня обставил. Ему достаточно было лишь пошире расставить кривые ножки и согнуть их немного в коленях. А я каждый раз тихо матерился и сгибался в три погибели, когда мы в очередной раз проплывали под нависшей зеленкой.

– Осторожно! – вдруг закричал Чунг и замахнулся на меня шестом.

Рефлекторно я успел поставить блок, но шест просвистел рядом с ухом и врезался в ветки, что нависли у меня над головой.

На мои плечи посыпался десант из сбитых листочков. В воду плюхнулось что-то потяжелее, чем листик, но я не успел разглядеть.

– Ты что творишь, мать твою! – прикрикнул я на Чунга. – Чуть по голове мне не заехал! Напугал, скотина такая!

– Змея укусит – плохо будет. Судороги, смерть... – невозмутимо проговорил вьетнамец.

– Какая на хрен змея на плоту?

– Не на плоту, а на дереве.

Чунг ткнул шестом куда-то вбок. Я оглянулся и похолодел. В воде извивалось мерзкое чешуйчатое тело с красными пятнышками на голове. Эта тварь висела на дереве, прямо надо мной. Если бы не Чунг, по-любому бы куснула. Не из пакости, так из страха. Напоролась бы моя бедная головушка на нее и все... От таких мыслей по спине побежали мурашки. Огромные такие, размером с жука.

– Ты это... – миролюбиво проговорил я. – Извини, если что... Не врубился я сразу, не понял, почему меня оглоблей приложить хотел.

– Бывает, – кивнул Чунг. – Только смотри по сторонам чаще. Змеи на ветках сидеть могут. Там они птиц ловят.

– Тьфу ты! Что за страна такая?! – плюнул я. – Змеи по деревьям лазят!

Вечерело. Сумерки стужались быстро. Будто куда-то торопились. Вымотался я – не сказать как. Пора нам становиться на ночлег...

Бабка покопалась в американском барахле, нашла коробку с крючками. Ловко наловила пару рыбин, чью видовую принадлежность я затруднился определить – чай тропики, не Волгаматушка. Мы обмазали водоплавающих глиной и запекли в углях. Объединение!

Только собрался придавить часиков пять до своей смены, как меня отозвал в сторону Ваня. ГРУшник уже начал потихоньку ходить, чудо-снадобье творило чудеса.

– Давай, колись, телись...

– Ты о чем?

– Сам знаешь о чем!

– Иди ты в жопу к кайману со своей политикой. Не буду я на ночь про это.

– Будешь!

А ведь не отстанет!

– Ладно, спрашивай.

– В каком году развалился СССР и почему?

– В девяносто первом. В восемьдесят пятом, кажется, к власти придет пятнистый иуда – Горбачев.

– Не слышал про такого.

– Со Ставрополя. Первый секретарь. Перетянут его в Москву. Как же... Молодой, сука, инициативный. Говорит не по бумажке.

– И что?

– К этому времени в Союзе уже будет не все гладко. Бунты на окраинах, дефицит жратвы. Народ так подустал прилично от партократов. Плюс цены на жижу упадут, – я вспомнил документальный фильм, что смотрел на «Ютьюбе» про развал СССР. – Без дорогой нефти, да еще с заносом бабла всяким неграм и прочим **учим арабам бюджет пошел по ***де. А, да, еще в Афган залезем неудачно – типа на военную операцию, быстро власть поменять. Останемся там на десять лет – бойня будет, будь здоров! Может, еще и застанешь. Тебе сколько сейчас?

– Сорок...

– О, погодок!

– Ладно, продолжай.

– Не знаю, что еще рассказать. Ну, заклятые враги постараются, да. Всяких агентов влияния продвинут во власть.

– Кто именно?! – Ваня жестко так посмотрел на меня – Имена, фамилии, явки!

– А я пасу?! Я тебе что, историк? Ваш Леня досидит до восемьдесят второго. Уже такой, еле живой мумией. После него будет парад катафалков – Андропов на год, помер. Еще на полгода или около того... как его, на Ч... Черненко! Тоже отмучился. И все, добро пожаловать, Михаил Сергеевич.

– Кто это?

– Да говорю тебе, Горбачев!

– Понял, понял. – Иван задумался. – И что дальше?

– Была ядерная авария в Чернобыле, потом сильное землетрясение в Армении. Ну и перенапряглась страна. Пошли брожения, парады суверенитетов. Республики мигом откололись. Прибалты и хохлы сбежали первыми. Остальные тоже. Дальше пошло-поехало. Россия – угнетатель соседних народов, одно зло от нас... Повоевали и с чеченцами, что хотели свалить – всем можно, а нам нельзя? – и с грузинами. Те, хотели себе обратно Абхазию и Южную Осетию. Когда я тут очутился – пошла война с Украиной.

– Звездец!

– Ага. Полный.

* * *

С рассветом двинулись дальше. Не хотелось терять ни минуты. Чем дальше уйдем в сторону дружественного севера, тем больше шансов, что в наших задницах останется лишь одна дырка.

Утренняя дымка ползла по реке молочными клубами. Лес ожил и верещал разноголосьем пестрых птиц. Пара попугаев, сидя на каком-то «баобабе», дралась так, что перья красные летели. Вроде одного вида птахи, а хвощутся, как с коршуном. Вот так и вьетнамцы. Север и юг. Народ один, а колошматят друг друга почище попугаев. Самые страшные войны – они гражданские, между своими. Россия тоже через это прошла.

– Если все нормально будет, – поскреб изрядно отросшую щетину с проседью Иван, разглядывая карту, – то через пару дней будем на территории партизан. Найдем отряд, думаю, они нам помогут до своих добраться.

– Свой это хорошо. – Я придвинулся к Ивану и понизил голос, чтобы никто нас не слышал: – Но ты же помнишь, что я не совсем свой. Боюсь, свои меня первым к стенке поставят. Ты бы сам на их месте так сделал.

– Согласен, – кивнул Иван. – Будем думать, как тебя легализовать... Главное, добраться живыми, а там видно будет. Есть у меня одна мыслишка, но боюсь, она тебе не очень понравится...

– Говори, – насторожился я.

Но полковник не успел ответить. Неожиданно до нас донесся звук мотора. Прямо из-за поворота к нам вырулил катер. Твою мать!

– Шухер! – заорал я, хватаясь за винтовку.

Чунг упал на бревна, вцепившись в приготовленный пулемет.

Катер, больше напоминавший неповоротливый деревянный баркас с навесом из пальмовых листьев на палубе, мчал к нам на всех парах.

– Почему мы раньше его не услышали? – спросил я Чунга. – Звук по воде далеко разлетается!

– Не знаю, – ответил Чунг, направляя ствол М60 на судно. – Наверное, на якоре стоял, только сейчас завелся.

Катер раньше явно был рыбацкой посудинкой. Сейчас на нем развеялся южновьетнамский флаг – ярко-желтое полотнище с тремя продольными красными полосками. На носу приютился тяжелый станковый пулемет. На палубе забегали вьетнамцы в зеленой форме без всяких знаков различий. Хрен поймешь, кто из них кто и что за войска. Такая «привычка», носить форму без знаков, выработалась еще со времен войны с французами и осложнила работу снайперов, выбивавших офицерский состав.

– Тра-та-та! – пулемет Чунга скосил пару бойцов, пытавшихся развернуть ствол на носу катера в нашу сторону.

– Не подпускайте их к пулемету! – заорал Иван, приподнявшись на локте и вытянув шею. – Иначе нам звездеч!

Я схватил М16 и встал на колено. Млять! Катер уже близко и волны раскачивают плот. Стрелять неудобно.

Нажал на спуск в режиме длинной очереди. За несколько секунд выпустил боезапас в восемнадцать патронов – до полного комплекта рожки не снаряжали, привередливую «эмку» могло переклинить.

– Тащи рюкзак с патронами! – заорал я Лиен, вставляя запасной магазин, который был в кармане разгрузки.

– Нун гти нан бан нгой?

Ах ты ж черт. Она же не понимает по-русски. Я ткнул пальцем в кучу с вещами, показал на гильзы под ногами. Девушка кинулась к вороху вещей и ловко выудила оттуда нужный мешок с ляжками. Я в это время продолжил поливать пулями палубу.

Солдаты не ожидали напоротья на такой шквал огня, залегли и расползлись по «щелям». На реке, на своей территории, они чувствовали себя хозяевами и не были готовы к встрече с вооруженным плотом. Пока схватились за оружие, мы с Чунгом успели положить человек десять, это больше половины.

Но один гаденыш все-таки дополз-таки до пулемета. Я видел, как он взял наш утлый плотик на прицел. «Ну, звездеч! Прощай, жизнь!» – промелькнула мысль...

Глава 6

Тяжелый пулемет с катера резанул по нам очередью. Пули выбивали щепу и булькали по воде. Я вжался в бревна, лихорадочно переставляя магазин. Чунг тоже менял ленту. Черт! Мы оба пустые. Вот сука!

Пулеметчик бил неумело, явно не привык управляться со станковым. Крошил наобум, подбираясь сечкой все ближе. Сейчас пристреляется и звездац нам!

Вот уже змейка бульков от пуль прошла около носа. Стрелок повел стволом обратно, чуть задрал. Еще секунда – пропорет наши тушки.

Тра-та-та! Тра-та-та! Рядом лупанули две короткие, по три выстрела каждая. Звук сбоку от меня. Я с удивлением обернулся. Лиен схватила валявшуюся винтовку Чунга и стала поливать пулеметчика.

Тот сбился и спрятался за оружие. Высунул глаз и вновь нажал на спуск. В этот раз пули прошли совсем далеко от плота. Девчонка молоток – сорвала этой суке пристрелку.

Лиен времени не теряла. Выпустила еще две короткие очереди. Потом еще одну. Есть! Фигура пулеметчика, картинно вскинув руки, брякнулась на палубу. Лежала, как раздавленный таракан. Туда ему и дорога, тварь!

Но за гашетку встал уже другой солдат. Да что же вы такие шустрые! Ну точно тараканы! Но я уже успел перещелкнуть магазин. Саданул длинную, высекая искры от рамы пулемета. Стрелок пригнулся и не палил по нам, но и не отступил. В дело включился Чунг. Калибр 7,62 покруче будет. Его пули напрочь разнесли черепушку пулеметчику. Разбрызгивая мозги, второй «таракан» скатился на дощатую палубу. Есть!

Тишина. Вражеский катер заглох и плавно поворачивался вокруг своей оси. Я всматривался в его очертания, приложив ладонь козырьком ко лбу. Вроде никто не шевелится.

– Осторожно! – вдруг крикнул Иван, тыча пальцем куда-то в катер.

Я не заметил, как один из «трупов», лежа на палубе, выставил вперед ствол и целился.

Бах! – пуля прошла рядом. Кто-то вскрикнул. Некогда оглядываться, я ударил в ответ. Раз, второй. Есть! Взрыхлил одежду на плечах и спине «трупа». Теперь точно двухсотый. Не шевелится, истекает кровью.

Кто-то ахнул. Обернулся. Лиен зажимала бабке пробитую ногу, оттуда хлестала кровь.

Сорвав с пояса, я кинул девушке индпакет. – Ваня! – позвал меня Чунг. – Помоги! Он уже толкал плот шестом поближе к катеру. Отбросив «эмку», расстегнул на всякий случай кобуру с «кольтом» и схватился за шест. Вместе мы допихали плот к катеру. Тот мирно покачивался. Куча трупов валялась на палубе, питая разохшиеся доски кровью.

Бух! – бревна стукнулись о борт. Чунг держа в руках винтовку, ловко перепрыгнул на катер. Теперь он воды не так боялся. Или адреналина хапнул, или освоился. Я остался прикрывать его с плота. Отложил шест и вновь схватился за М16.

Вьетнамец шнырял по судну, как кошка в поисках мышей. Тыкал стволом в каждый уголок, в каждое тело. Двое тел в ответ замычали. Это они зря. Бах! Бах! Больше мычать не будут. Все... Катер наш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.